

Удивительное сочетание греческой трагедии,
любовной мелодрамы и драматической семейной саги

КРИСТИН ХАННА

*С ЖИЗНЬЮ
наедине*

Кристин Ханна
С жизнью наедине

«Фантом Пресс»

2018

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Ханна К.

С жизнью наедине / К. Ханна — «Фантом Пресс», 2018

ISBN 978-5-86471-792-9

1974-й. Лени тринадцать лет, ее отец недавно вернулся с вьетнамской войны. Вернулся совсем не таким, как прежде, – злым на весь мир, растерянным и сломленным. А вскоре получил наследство – небольшой участок земли там, где почти нет людей, где лишь прекрасная, пусть и суровая, природа, – на Аляске. И вскоре Лени с родителями отправляются в этот загадочный и неведомый мир. И поначалу кажется, что Аляска отвечает всем их надеждам и ожиданиям. В этом диком краю они находят сообщество сильных мужчин и еще более сильных женщин. Но приближается зима, и на Аляску медленно опускаются тьма и холод, которые обратят отца в дикого зверя. И то, что начиналось как приключение, оборачивается драмой. Лени и ее матери предстоит узнать, что Аляска не только прекрасна, но и ужасна, что она может как спасти, так и погубить. В этом краю каждый день ставит человека перед выбором между жизнью и смертью. В этой глуши, на самой окраине цивилизации, человек понимает себе истинную цену. 1978-й. Лени уже взрослая девушка, она освоилась в диком краю, полюбила его, стала своей. В ее жизнь вошла любовь, она мечтает о будущем. Но прошлое цепко держит ее, не желая отпускать. И драма стремительно перерастает в трагедию. Новый роман Кристин Ханна – невероятной интенсивности семейная сага, полная бурных событий и сильных чувств. История любви и почти шекспировская драма разворачиваются на фоне прекрасных пейзажей Аляски.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-792-9

© Ханна К., 2018
© Фантом Пресс, 2018

Содержание

1974	7
Один	7
Два	13
Три	19
Четыре	28
Пять	38
Шесть	48
Семь	55
Восемь	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Кристин Ханна

С жизнью наедине

*Женщинам моей семьи. Все они войны:
Шерон, Дебби, Лора, Джули, Маккензи, Сара, Кейли, Тони, Джеки,
Дана, Лесли, Кейти, Джоан, Джерри, Лиз, Кортни и Стефани.
И Брейдену, самому юному нашему храбrecу*

*Природа никогда не обманывает нас; это мы сами постоянно
обманываемся.
Жан-Жак Руссо*

THE GREAT ALONE by KRISTIN HANNAH
Copyright © 2018 by Kristin Hannah

© Юлия Полешук, перевод, 2018

* * *

Эмоциональная семейная сага, разворачивающаяся в 1970-е на фоне суровых и прекрасных пейзажей Аляски.
People

Удивительное сочетание греческой трагедии, любовной мелодрамы и драматической семейной саги.
Kirkus Review

Убедительный портрет семьи, оказавшейся на грани разрушения, и общества в преддверии огромных перемен. Лишь горы и леса Аляски неизменны в своей неприступной красоте. Великолепный роман о нерушимой связи между матерью и ребенком, о величии женщины, готовой в буквальном смысле своротить горы ради любимых.
Journal Journal

Я не просто влюбилась в эту книгу, я одержим ею. Кристин Ханна написала мастерский роман о том, что любовь может как спасти нас, так и уничтожить.
Карин Сун, Sunday Times

Романтика и прекрасные пейзажи Аляски, на фоне которых разворачивается сложная семейная драма, наполняют книгу огромным обаянием, которому нельзя не поддаться.
BookBrowse Review

Эпический роман о человеческой воле и способности преодолевать немыслимое.
Real Simple

1974

Один

Дождь той весной лил как из ведра, грохотал по крышам. Вода просачивалась в мельчайшие трещины, размывала прочнейшие фундаменты. Земляные пласты, годами лежавшие незбылемо, сползали, точно кучи шлака, на дороги, увлекая за собой дома, автомобили и бассейны. Деревья падали, обрывая линии электропередачи, и вся округа сидела без света. Реки выходили из берегов, заливали дворы, разоряли дома. Те, кто любил друг друга, то и дело ругались, вспыхивали ссоры, а вода все прибывала, и ливень не утихал.

Лени тоже все злило. В школе она была новенькой, всем чужой – девушкой с расчесанными на ровный пробор длинными прямыми волосами, которая ходит в школу одна, поскольку друзей у нее нет.

Она сидела на кровати, подтянув худые колени к плоской груди. Рядом валялась открытая книга в мягкой обложке, «Обитатели холмов»;¹ уголки потрепанных страниц загибались. Сквозь тонкие стены Лени слышала, как мама говорит: «Эрнт, милый, ну пожалуйста, не надо. Послушай...» – и сердитый ответ отца: «Оставь ты меня в покое».

Опять они за свое. Ругаются. Орут. Еще немного, и мама разрыдается.

Такая погода будит в папе худшее.

Лени взглянула на часы у кровати. Если она не выйдет сейчас, опоздает в школу, а привлекать к себе внимание куда противнее, чем быть новенькой. Она это испытала на своей шкуре: за последние четыре года Лени сменила пять школ, и нигде ей не удалось стать своей, но она все равно не теряла надежды. Лени глубоко вздохнула, вытянула ноги и соскользнула с кровати. Прокралась к двери, прошла по коридору и остановилась на пороге кухни.

– Черт подери, Кора, – произнес отец, – ты прекрасно знаешь, каково мне.

Мама шагнула к нему, протянула руку.

– Тебе нужна помощь, милый. Ты ни в чем не виноват. Эти твои кошмары...

Лени кашлянула, чтобы привлечь их внимание.

– Привет, – сказала она.

Отец взглянул на нее, тяжело вздохнул и отошел от мамы. Вид у него был измученный и жалкий.

– М-мне в школу пора, – пояснила Лени.

Мама выудила из нагрудного кармана розового платья, какое носили официантки, пачку сигарет. Лицо ее осунулось от усталости: вчера мама работала в вечернюю смену, сегодня ей выходить в обед.

– Иди-иди, а то опоздаешь.

Голос у мамы был нежный, спокойный. Мягкий, как она сама.

Лени боялась и остаться дома, и уйти. Странно – или, скорее, глупо, – но ей частенько казалось, будто она единственный взрослый в семье. Балласт, без которого ветхая скрипучая лодка Олбрайтов неминуемо даст крен. Мама беспрестанно «искала себя». Что она только не перепробовала: посещала ЭСТ-тренинги,² занятия по раскрытию человеческого потенциала,

¹ «Обитатели холмов» (*Watership Down*) – роман-сказка Ричарда Адамса. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² ЭСТ-тренинг (от англ. Erhard Seminars Training) – экстраординарные 60-часовые групповые семинары по личностному переосмыслению, разработанные американцем-самоучкой – продавцом книг и автомобилей Вернером Эрхардом (р. 1935). Проводились с 1971-го по 1991 гг., в том числе за пределами США.

всевозможные духовные практики, ходила в унитариянскую церковь.³ Даже буддизм исповедовала. И везде хватала по верхам – усваивала лишь то, что ей подходило. Чаще всего, думала Лени, дальше футболок и афоризмов дело не заходило. Что-нибудь в духе «Что есть, то есть, а чего нет, того нет». Толку от всего этого было чуть.

– Иди, – сказал папа.

Лени схватила со стула рюкзак и вышла. Когда за ней захлопнулась дверь, Лени услышала, что родители снова ругаются.

– Черт подери, Кора...

– Эрнт, ну пожалуйста, послушай меня...

А ведь когда-то все было иначе. По крайней мере, так говорила мама. До войны они были счастливы. Они тогда жили в трейлерном парке в Кенте, у папы была хорошая работа механика, а мама все время смеялась и танцевала под «Частичку моего сердца»,⁴ когда готовила обед (признаться, из тех лет Лени запомнилось лишь то, как мама танцевала).

Потом отца забрали в армию, отправили во Вьетнам, он был ранен, попал в плен. Без него мама совсем растерялась. Тогда-то Лени и поняла, до чего та слаба. Некоторое время мама меняла работы, они с Лени кочевали из города в город, пока не осели в коммуне хиппи в Орегоне. Там они работали на пасеке, шили мешочки с лавандой, которые продавали на местном рынке, и участвовали в антивоенных демонстрациях. Мама отчасти переняла повадки хиппи – ровно настолько, чтобы вписаться в коммуну.

Когда папа наконец вернулся домой, Лени его едва узнала. Из веселого красавца, которым она его запомнила, он превратился в угрюмого и злого брюзгу. Коммуна пришлась ему не по душе, и они переехали. Потом еще раз переехали. И еще раз. Его вечно что-то не устраивало.

Его мучила бессонница, он не задерживался ни на одной работе, хотя мама твердила, что лучшего механика не найти.

Вот и сегодня утром они ругались из-за того, что отца опять уволили.

Лени накинула капюшон. По дороге в школу она проходила мимо ухоженных домов, темных рощиц («держись от них подальше»), кафе быстрого питания, где по выходным собирались старшеклассники, бензоколонки, куда выстроилась длинная очередь из автомобилей, чтобы заправить бак по пятьдесят пять центов за галлон. Вот что всех раздражало в ту пору: цены на бензин.

Взрослых вообще все бесит, думала Лени. Война во Вьетнаме расколола страну. Каждый день, как ни развернешь газету, наткнешься на статью об очередном взрыве, устроенном «Синоптиками»⁵ или ИРА. То самолет угонят, то Патти Хёрст⁶ похитят. Теракт во время Олимпиады в Мюнхене и Уотергейтский скандал потрясли мир. А недавно в штате Вашингтон стали бесследно пропадать студентки. Мир полон опасностей.

Как же Лени хотелось, чтобы у нее был настоящий друг. Ей так нужно с кем-то поговорить.

Хотя что толку? Разговорами делу не поможешь. К чему тогда беседы по душам?

Ну да, папа частенько раздражается, кричит, они вечно сидят без денег и переезжают с места на место, чтобы улизнуть от кредиторов. Что поделать, такая жизнь. Главное – они любят друг друга.

³ Унитариянство – движение в протестантизме, отвергающее догмат Троицы.

⁴ «Частичка моего сердца» (*Piece of My Heart*) – популярная песня, которую впервые исполнила в 1967 г. Эрма Франклин, а через год – Дженис Джоплин.

⁵ «Синоптики» (*Weatherman*) – леворадикальная террористическая группировка, которая действовала в США в 1969–1977 гг.

⁶ Патрисия Кэмпбелл Хёрст (р. 1954) – внучка Уильяма Рэндольфа Хёрста, миллиардера и газетного магната.

И все же порой, особенно в такие дни, как этот, Лени от страха не находила себе места. Ей казалось, будто их семья стоит на краю высокого утеса, который того и гляди рухнет, как те дома, что увлекает за собой оползень на затопленных склонах Сиэтла.

* * *

После уроков Лени шла домой под дождем.

Они жили в переулке, который оканчивался тупиком. Участок по сравнению с соседскими выглядел неухоженно: длинный темно-коричневый одноэтажный дом с пологой крышей, цветочные кадки пусты, водосточные трубы забиты дрянью, дверь гаража не закрывается. Преющая серая гонтовая кровля поросла пучками сорняков. Укоризненно торчит голый флагшток, точно в знак папиной ненависти к тому, куда катится Америка. Мама называет папу патриотом, хотя он терпеть не может правительство.

Отец сидел в гараже на расшатанном верстаке возле помятого маминого «мустанга» с заклеенной скотчем крышей. Вдоль стен громоздились картонные коробки с вещами, которые они так и не разобрали с тех пор, как переехали сюда.

Отец, как обычно, был в потрепанной камуфляжной куртке и драных джинсах. Он сидел, облокотившись на колени. Длинные черные волосы спутались, усы давно пора подровнять. Босые ноги в грязи. Но даже вот такой, изнуренный, ссутулившийся, он был красив, как кинозвезда. Все так говорили.

Он наклонил голову, так что волосы упали на глаза, взглянул на Лени и улыбнулся устало, но все равно тепло. Такой уж он человек: вспыльчивый, неуравновешенный, порой даже страшно делается, но это все потому, что он острее прочих чувствует боль, разочарование и любовь. Особенно любовь.

– Ленора, – голос у папы хриплый, как у заядлого курильщика, – а я тебя жду. Прости меня, пожалуйста. Сорвался. И вылетел с работы. Ты, наверно, чертовски злишься на меня.

– Ну что ты, пап, вовсе нет.

Лени знала, что папе и правда стыдно. Видела по лицу. Раньше она гадала: что толку извиняться, если все равно ничего не меняется? Но мама объяснила ей, что война и плен сломали отца. «Ему как будто хребет перебили, – сказала мама. – Но если любишь человека, то любим – и больным, и здоровым. Просто сейчас мы должны быть сильнее, чтобы он мог на нас опереться. Ему нужна моя поддержка. И твоя тоже».

Лени уселась рядом с отцом. Он обнял ее, прижал к себе.

– Миром правят идиоты. Это уже не моя Америка. Я хочу... – Он осекся.

Лени ничего не сказала. Она привыкла к тому, что папа всегда измучен и грустит. Он постоянно обрывал фразы на середине, словно боялся признаться в том, что его печалило и пугало. Лени понимала причину таких недомолвок: порой действительно лучше промолчать.

Отец вытащил из кармана мятую пачку сигарет, закурил, и Лени вдохнула привычный едкий дым.

Она знала, как больно отцу. Иногда она просыпалась и слышала, что папа плачет, а мама его успокаивает: «Тсс, Эрнт, не надо, не вспоминай, всё позади, ты дома, ты в безопасности».

Папа покачал головой, выпустил струйку сизого дыма.

– Наверно, мне просто... этого мало. Мне не работа новая нужна. А жизнь. Чтобы идти по улице и не бояться, что меня обзовут «убийцей детишек». Чтобы... – Отец вздохнул. Улыбнулся. – Ладно, не обращай внимания. Все будет хорошо. Все у нас будет хорошо.

– Да найдешь ты другую работу, – успокоила его Лени.

– Куда же я денусь, Рыжик, конечно, найду. Завтра будет лучше.

Родители всегда так говорили.

* * *

Холодным унылым утром в середине апреля Лени проснулась рано, перебралась в гостиную на привычное место на дряхлом диване в цветочек и включила программу «Сегодня». Поправила рога антенны, чтобы изображение не скакало. Наконец на экране появилась Барбара Уолтерс и проговорила:

– ...на этой фотографии Патрисия Хёрст, которая теперь называет себя Таней, держит карабин М1 во время недавнего ограбления банка в Сан-Франциско. Свидетели сообщают, что девятнадцатилетняя внучка газетного магната, похищенная в феврале Симбионистской армией освобождения...⁷

Лени онемела. Ей до сих пор не верилось, что члены радикальной группировки могут вот так запросто вломиться в дом и похитить девушку. Получается, никто в этом мире ни от чего не застрахован? И как так вышло, что наследница миллиардного состояния стала революционеркой по имени Таня?

– Лени, собирайся, – сказала с кухни мама. – Тебе в школу пора.

Входная дверь со стуком распахнулась.

Вошел отец и улыбнулся так заразительно, что невозможно было не улыбнуться в ответ. Он казался сказочным великаном, которому тесно в кухоньке с низким потолком. Серые стены в потеках лишь подчеркивали его силу и бодрость. С волос его капала вода.

Мама у плиты жарила к завтраку бекон.

Папа влетел на кухню и включил транзистор, стоявший на крытом формайкой столе. Из динамика донесся хриплый рок. Папа рассмеялся и обнял маму.

Лени услышала, как он прошептал:

– Прости. Прости меня, пожалуйста.

– Ну конечно. – Мама обняла его так, словно боялась, что он ее оттолкнет.

Папа обхватил маму за талию, подвел к столу, выдвинул стул и крикнул:

– Лени, иди-ка сюда!

Она любила, когда родители звали ее к себе. Лени слезла с дивана и уселась рядом с мамой. Папа улыбнулся и протянул ей книжку в бумажной обложке. «Зов предков».⁸

– На, Рыжик, тебе понравится.

Он сел напротив мамы и придвинулся к столу. По папиному лицу Лени поняла: он опять что-то задумал. Ей и прежде доводилось видеть у него такое выражение лица – каждый раз, когда папа планировал изменить жизнь. Планов этих было не счесть: продать все, год путешествовать по шоссе вдоль океана в Биг-Сур и жить в палатке. Разводить норок (вот это был полный ужас). Продавать элитные семена в Центральной Калифорнии.

Отец выудил из кармана сложенный лист бумаги и с победным видом припечатал его ладонью к столу.

– Помнишь Бо Харлана, моего друга? – спросил он маму.

Мама задумалась.

– Из Вьетнама? – наконец уточнила она.

Папа кивнул и пояснил Лени:

– Бо Харлан был командиром экипажа, а я стрелком. Мы всегда друг друга прикрывали. Потом нашу вертушку подбили, а нас взяли в плен. Мы с ним прошли огонь и воду.

Лени заметила, что отца бьет дрожь. Закатанные рукава рубашки открывали следы от ожогов, тянувшиеся от кистей к локтям, морщинистые уродливые бледно-лиловые шрамы,

⁷ Симбионистская армия освобождения – леворадикальная организация, действовавшая в США с 1973 по 1975 г.

⁸ «Зов предков» – роман Джека Лондона.

которые никогда не загорали. Лени не знала, как отец их получил; она не спрашивала, а он не рассказывал. Но совершенно ясно, что в плену. Лени сама догадалась. Спина у отца тоже морщижилась паутиной шрамов.

– Они убивали его у меня на глазах, – сказал отец.

Лени встревоженно посмотрела на маму. Папа обычно о таком не рассказывал. И сейчас обе с испугом слушали его.

Отец притопнул ногой и побарабанил пальцами по столу. Развернул письмо, разгладил бумагу, чтобы Лени с мамой могли прочесть написанное.

Сержант Олбрайт,

Нелегко же вас отыскать. Меня зовут Эрл Харлан.

Мой сын Бо не раз писал, что вы с ним дружили. Спасибо вам за это.

В последнем своем письме он велел, если с ним что-нибудь случится в этом гробаном Вьетнаме, передать вам его участок на Аляске.

Участок небольшой. Сорок акров земли с развалюхой. Но если вы не боитесь работы, то здесь можно неплохо устроиться: кормиться тем, что дает земля, вдалеке от всяких придурков, хиппи и того бардака, который творится в прочих штатах.

Телефона у меня нету, так что пишите до востребования на адрес почты в Хомере. Рано или поздно я обязательно получу ваше письмо.

Участок расположен в самом конце дороги. Проезжаете мимо серебристой калитки с коровьим черепом, и там, не доезжая горелого дерева, начиная от милевого столба с номером 13, будет ваша земля.

Эрл

Мама по-птичьи наклонила голову и уставилась на отца:

– То есть этот... Бо... завещал нам дом? Настоящий дом?

– Представляешь, наш собственный дом. – Папа взволнованно вскочил со стула. – Дом, который принадлежит нам. Где можно ни от кого не зависеть, выращивать овощи, охотиться, жить свободно. Мы ведь так давно об этом мечтали, правда, Кора? Жить простой жизнью подальше от всего этого здешнего бреда. Там мы будем свободны. Ты только подумай!

– погоди, – подала голос Лени. Все же это слишком даже для отца. – Аляска? Ты что, снова хочешь переехать? Мы же только что перебрались сюда.

Мама нахмурилась:

– Там ведь... ничего нет? Только медведи да эскимосы?

Отец встал, подошел к маме, рывком поднял ее на ноги, так что она пошатнулась и упала на него. От Лени не укрылось, что за папиным восторгом сквозило отчаяние.

– Мне это необходимо. Мне нужно место, где я снова смогу дышать. А здесь мне все кажется, что я того и гляди выползу из собственной шкуры. Там мои кошмары прекратятся, я наконец забуду обо всем. Я это точно знаю. Это нужно нам. Там все будет, как до Вьетнама.

Мама взглянула на отца. Ее бледность так резко контрастировала с его смуглой кожей и черными волосами.

– Подумай сама, – уговаривал отец.

Лени видела, как мама смягчается, как старается приспособить собственные желания к папиным, представить себе, каково это – жить на Аляске. Наверно, ей кажется, что это сродни семинарам по групповой психотерапии, йоге или буддизму. Ответ на вечные вопросы. Маме неважно, что, где и как. Маме нужен только папа.

– Наш собственный дом, – проговорила она. – Но... откуда же у нас деньги... может, тебе подать на инвалидность...

– Не начинай, – вздохнул отец. – Не буду я подавать. Я просто хочу жить по-другому. И я тебе обещаю, что научусь считать деньги. Клянусь. У меня еще кое-что осталось от моего старика. Пить стану меньше. И если ты так хочешь, даже начну ходить в группу поддержки для ветеранов.

Лени прекрасно знала, чем все кончится. Все равно, чего хочет она или мама.

Папа мечтает начать новую жизнь. Ему это нужно. А маме главное, чтобы он был счастлив.

Значит, они переедут на новое место в надежде, что на этот раз все получится. Они поедут на Аляску за новой мечтой. Лени сделает все, о чем попросят, причем с радостью. Опять пойдет в новую школу. Что поделаться, такова любовь.

Два

На следующее утро Лени разбудил гром. Она лежала в постели, слушала стук дождя по крыше и представляла, как под окном прорастают грибы, как пробиваются сквозь землю выпуклые ядовитые шляпки, как аппетитно блестят. Вчера она уснула поздно, до глубокой ночи читала о бескрайней и опасной Аляске, оторваться не могла, чего сама от себя не ожидала. Лени казалось, что Последний рубеж⁹ – точь-в-точь как ее отец. Необузданный. Впечатляющий. И непредсказуемый.

Лени услышала музыку. Из приемника доносилась дребезжащая мелодия. «Помешан на чувстве».¹⁰ Лени откинула одеяло и вылезла из постели. Мама курила на кухне у плиты. В электрическом свете она казалась бесплотной – с копной растрепанных со сна светлых волос, лицо скрыто в сизом сигаретном дыму. Белая майка так растянулась от стирок, что болталась на худых маминых плечах. Резинка на розовых трусах ослабла, и они сползали. На шее у ключиц багровел синяк – даже красивый, похожий на вспыхнувшую звезду; он оттенял мамины точеные черты.

– Почему не спишь? – спросила мама. – Еще рано.

Лени подошла к маме и положила голову ей на плечо. От мамы пахло табаком и духами с ароматом роз.

– Ты не спишь, и я не сплю, – ответила Лени.

Так всегда говорила мама. «Ты не спишь, и я не сплю». Ты и я. Эта прочная связь была для них утешением, и сходство, казалось, усиливало любовь. На самом деле с тех пор, как папа вернулся с войны, мама потеряла сон. Лени не раз просыпалась среди ночи и видела, как мама бродит по дому в прозрачном распахнутом халате. Мама что-то шептала себе под нос, но слов было не разобрать.

– Мы что, правда поедем на Аляску? – спросила Лени.

Мама уставилась на металлический перколятор, из-под стеклянной крышечки которого сочился черный кофе.

– Видимо, да.

– И когда?

– Ты же знаешь папу. Скоро.

– Ну доучиться-то я хоть успею?

Мама пожала плечами.

– А где он?

– Уехал еще затемно, продавать коллекцию монет, которая досталась ему от отца. – Мама отпила глоток кофе и поставила чашку на стол. – Аляска. Господи боже мой, почему сразу не Сибирь? – Она глубоко затянулась сигаретой. Выдохнула дым. – Жаль, у меня нет друг. Не с кем поговорить.

– Я твоя подруга.

– Тебе тринадцать. А мне тридцать. И я должна вести себя, как положено матери. Вечно я об этом забываю.

В голосе матери сквозило отчаяние, и Лени испугалась. Она знала, как хрупко все: родители, семья. Человека легко сломать. Уж что-что, а это любой ребенок бывшего военнопленного знает. Лени до сих пор носила блестящий серебристый браслет в память о капитане, который не вернулся с войны.¹¹

⁹ Прозвище штата Аляска.

¹⁰ «Помешан на чувстве» (*Hooked on a Feeling*) – популярная песня, написанная Марком Джеймсом.

¹¹ В США в 1970–1976 гг. продавали браслеты в память о тех, кто попал в плен или пропал без вести во время войны во

– Ему нужен шанс. Пусть попробует все сначала. Это нужно нам всем. Может, на Аляске нам повезет.

– Как до этого повезло в Орегоне, Снохомише и с торговлей семенами, на которой мы должны были озолотиться. А помнишь, как он надеялся разбогатеть, продавая пинбольные автоматы? Давай хотя бы дождемся конца учебного года.

Мама вздохнула:

– Куда там. Ладно, иди одевайся, в школу пора.

– Сегодня нет уроков.

Мама помолчала, потом тихо произнесла:

– Помнишь то синее платье, которое тебе папа подарил на день рождения?

– Угу.

– Надень его.

– Это еще зачем?

– Не «зачем», а иди одевайся. Нам с тобой нужно кое-что сделать.

Лени не знала, что и думать. Она сердилась, но все равно послушалась. Она всегда делала, что велют. Так проще. Лени ушла к себе, порылась в шкафу и наконец нашла то платье.

– Вот, Рыжик, ты в нем будешь хорошенькая как картинка.

Ну да, как же. А то она не знала, как будет выглядеть: плоскогрудая тринадцатилетняя жердь в нелепом платье, открывавшем худые ляжки и костлявые колени. Другие-то в ее возрасте уже без пяти минут женщины, а она ни то ни се. Да она единственная из одноклассниц, у кого еще не выросла грудь и не начались месячные!

Лени вернулась на кухню, пропахшую табаком и горелым кофе, плюхнулась на стул и открыла «Зов предков».

Мама вышла из комнаты только час спустя.

Лени ее едва узнала. Мама сделала пучок и залила волосы лаком. Надела облегающее платье цвета гнилой зелени, которое закрывало фигуру от подбородка до колен, с длинными рукавами, на пуговицах и с пояском. И чулки. И старушечьи туфли на низком каблуке.

– Ничего себе.

– Да-да. – Мама закурила сигарету. – Я знаю, что похожа на тетеньку из родительского комитета, которая устраивает благотворительную распродажу. – Веки мама накрашила голубыми тенями с блестками, приклеила накладные ресницы (кривовато – видимо, рука дрогнула) и гуще обычного подвела глаза. – У тебя нет других туфель?

Лени опустила глаза на туфли с тупыми, расширившимися и загнутыми кверху, отчего пальцы оказывались чуть выше пяток. Точь-в-точь такая пара была у Джоанны Берковиц, и все девчонки в классе ахнули от восторга, когда та пришла в них в школу. Лени еле-еле упростила родителей купить такие же.

– Есть еще красные кроссовки, но в них вчера порвались шнурки.

– Ну и ладно, бог с ним. Поехали.

Лени послушно вышла за мамой из дома. Они уселись на рваные красные сиденья помятого, в латках грунтовки, «мустанга». Крышка багажника была пристегнута ярко-желтыми тросами, чтобы не распаивалась на ходу.

Мама опустила защитный козырек и посмотрелась в зеркало – не размазался ли макияж (Лени искренне верила, что ключ не повернется в замке зажигания, если мама не посмотрит в зеркало и не закурит сигарету). Подкрасила и втянула губы, чтобы равномерно распределить помаду, потом сняла излишек треугольным краешком манжеты. Снова полюбовалась в зер-

кало и наконец, довольная отражением, подняла козырек и завела машину. Заиграло радио, из маленьких черных динамиков загремела «Полночь в оазисе».¹²

– А ты знала, что на Аляске подстерегают сотни смертельных опасностей? – спросила Лени. – Можно сорваться с горы, провалиться под тонкий лед. Замерзнуть насмерть, умереть от голода. Тебя могут даже *съесть*.

– Пожалуй, зря тебе папа дал эту книгу. – Мама сунула в магнитоу кассету, и Кэрол Кинг запела: «Земля уходит у меня из-под ног...»

Мама подхватила мотив, и Лени тоже стала подпевать. Несколько блаженных минут они, как самые обычные люди, катили по Пятому шоссе к центру Сиэтла, мама перестраивалась всякий раз, когда на полосе перед ними показывалась машина, и на каждом маневре с сигареты, зажатой между двумя ее пальцами на руле, слетал пепел.

Через два квартала мама остановилась возле банка. Припарковалась. Снова взглянула в зеркало, не размазалась ли помада, велела Лени подождать и вышла из машины.

Лени наклонилась, заперла водительскую дверь и проводила маму взглядом. Мама не шла, а плыла, покачивая бедрами. Она была очень красива и отлично это знала. Они с папой вечно из-за этого ссорились. Из-за того, что на маму глазают мужчины. Папу это бесило, но мама любила, когда на нее обращали внимание (хотя ей хватало ума в этом не признаваться).

Пятнадцать минут спустя мама вышла из банка. Она уже не плыла, а вихрем летела к машине, сжав кулаки. Она была вне себя. Злая как черт. Сцепила зубы, линия подбородка уже не казалась такой нежной.

– Сукин сын, – процедила мама сквозь зубы, распахнув дверь машины, села за руль, с силой захлопнула дверь и снова выругалась.

– Что случилось? – встревожилась Лени.

– Твой отец снял все деньги с нашего счета. А кредитную карту мне оформить отказались без подписи твоего или МОЕГО отца. – Она закурила. – Господи боже мой, семьдесят четвертый год на дворе. Я работаю. Зарабатываю деньги. И мне не дают кредитную карту без подписи мужа или отца. Миром правят мужчины, – попытожила мама и завела мотор.

Они промчались по улице и свернули на шоссе.

Мама так виляла из ряда в ряд, что Лени с трудом удавалось удержаться на месте. Она изо всех сил старалась усидеть и лишь через несколько миль осознала, что они выбрались из лабиринта холмистого центра Сиэтла и катят по тихим, тенистым улицам уважаемого района особняков. «Ничего себе», – еле слышно прошептала Лени. Она не была здесь так давно, что теперь едва узнавала окрестности.

Дома на этой улице источали благополучие. На бетонных подъездных дорожках стояли роскошные новые «кадиллаки», «олдсмобили-торнадо» и «линкольны-континентали».

Мама остановилась у серого каменного особняка с окнами в ромбовидных узорах. Дом стоял на небольшом холме, трава аккуратно подстрижена. Со всех сторон особняк окружали ухоженные клумбы. На почтовом ящике виднелась надпись: «Голлихер».

– Ого. Давненько же мы тут не были, – заметила Лени.

– Да уж. Подожди меня в машине.

– Ни за что! Недавно еще одна девушка пропала. Не останусь я одна тут.

– Тогда иди сюда. – Мама вытащила из сумочки расческу, подтянула Лени к себе и так рьяно принялась за ее длинные медно-рыжие волосы, словно те ей чем-то досадили. Лени вскрикнула от боли, когда мама стала заплетать ей косички, торчавшие, точно два водопрводных крана. – И не вздумай вмешиваться в разговор, Ленора. – Мама повязала косички бантиками.

¹² «Полночь в оазисе» (*Midnight at the Oasis*) – популярная эстрадная песня авторства Дэвида Нихтерна. Исполняла американская фолк-и блюз-певица Мария Малдор.

– Куда мне косички, что я, маленькая, – захныкала Лени.

– Молчи и слушай, – предупредила мама. – Возьми с собой книжку и сиди тихо, пока взрослые разговаривают.

Мама открыла дверь и вышла из машины. Лени поспешила за ней.

Мама взяла Лени за руку и повела по дорожке, вдоль которой тянулась топиарная изгородь, к высокой парадной двери.

Мама покосилась на Лени, пробормотала: «Была не была» – и позвонила. Послышался лягз, похожий на перезвон церковных колоколов, и глухие шаги.

Несколько секунд спустя дверь открыла бабушка Лени. В строгом платье цвета баклажана, перехваченном в талии тонким пояском, и с тремя нитками жемчуга на шее она, казалось, хоть сейчас готова отправиться на ланч к губернатору. Каштановые кудри были щедро залиты лаком, точно праздничный кекс глазурью. Увидев их, бабушка распахнула густо накрашенные глаза.

– Коралина, – прошептала она, шагнула к дочери и раскрыла объятия.

– Папа дома? – спросила мама.

Бабушка отстранилась и печально опустила руки.

– Он сегодня в суде.

Мама кивнула.

– В дом-то хотьпустишь?

Лени заметила, что мамин вопрос бабушку расстроил: та наморщила белый напудренный лоб.

– Ну конечно! Ленора, как же я рада тебя видеть.

Бабушка отступила на шаг и провела их через небольшую переднюю, за которой виднелись комнаты и двери, по винтовой лестнице на второй этаж, где царил полумрак.

В доме пахло лимонным воском и цветами.

Бабушка привела их на крытую заднюю веранду с круглыми эркерными окнами и высокими стеклянными дверями. Веранда была уставлена растениями и белой плетеной мебелью. Лени усадили за столик лицом в сад.

– Как же я по вам обеим соскучилась, – призналась бабушка и, словно досадуя на саму себя за признание, развернулась и скрылась в доме. Несколько минут спустя вернулась с книгой. – Я помню, ты любишь читать. Даже в два годика не выпускала из рук книжку. Я купила ее тебе давным-давно... только не знала, куда послать. Героиня тоже рыжая, как ты.

Лени села и открыла книгу, которую перечитывала так часто, что помнила целые абзацы. «Пеппи Длинныйчулок». Детская книжка. Лени уже выросла из такого чтения.

– Спасибо, мэм.

– Пожалуйста, называй меня бабушкой, – печально ответила та и повернулась к маме.

Бабушка отошла вместе с мамой к белому кованому столику у окна. Рядом в золоченой клетке ворковали две белые птички. До чего же им грустно, подумала Лени, этим птицам, которым нельзя летать.

– Странно, что ты вообще меняпустила, – заметила мама.

– Ну что за глупость, Коралина. Я всегда тебе рада. Мы с отцом тебя любим.

– Зато моего мужа вы бы непустили на порог.

– Он настроил тебя против нас. И между прочим, рассорил с друзьями. Ему хочется, чтобы ты принадлежала ему целиком...

– Я больше не стану это обсуждать. Я все решила. Мы уезжаем на Аляску.

Бабушка села.

– Господи боже мой!

– Эрнту там достался в наследство дом и участок земли. Будем выращивать овощи, охотиться – в общем, сами себе хозяева. Будем жить простой жизнью. Как первопоселенцы.

– Довольно. Сил нет слушать эту чушь. Ты готова за ним хоть на край света, но там тебя никто не спасет. Мы с отцом сделали все, чтобы защитить тебя от ошибок, но ты нашу помощь отвергла. Тебе все кажется, что жизнь – игра. Ты порхаешь...

– Не надо, – перебила мама и подалась вперед. – Разве ты не понимаешь, чего мне стоило сюда прийти?

После ее слов повисла тишина, было слышно лишь, как воркуют птицы.

На веранде вдруг словно повеяло холодом. Лени готова была поклясться, что дорогие полупрозрачные занавески всколыхнулись, но все окна были закрыты.

Лени попыталась представить маму в этом рафинированном, чопорном, закрытом мирке, но не сумела. Между той девушкой, какую хотели из мамы воспитать, и той, кем она стала, зияла непреодолимая пропасть. Что, если все, против чего они с мамой выступали, пока папы не было, – атомная энергия и война во Вьетнаме, – а потом семинары групповой психотерапии и различные религии – словом, все, что мама перепробовала, было всего лишь бунтом против того, как ее воспитывали?

– Не делай этого, Коралина. Это безумие. Не говоря уже о том, что это опасно. Брось его. Вернись домой и живи спокойно.

– Я его люблю. Ну почему ты никак не можешь этого понять?

– Кора, – мягко ответила бабушка, – пожалуйста, послушай меня хоть раз. Он опасен...

– Мы едем на Аляску, – отрезала мама. – Я пришла попрощаться и... – У нее сорвался голос. – Так ты поможешь нам или нет?

Бабушка долго молчала и то скреживала на груди бледные жилистые руки, то снова их опускала.

– Сколько тебе надо на этот раз? – наконец спросила она.

* * *

На обратном пути мать курила сигарету за сигаретой. Радио включила погромче, чтобы не разговаривать. А Лени и не возражала: у нее, конечно, накопились вопросы, но она не знала, с чего начать. Сегодня ей открылся мир, таившийся под поверхностью ее собственного. Мама никогда толком не рассказывала Лени, как жила до встречи с папой. Они сбежали вместе – прекрасная романтическая история о любви наперекор всем невзгодам. Мама бросила школу и «жила ради любви». Такую вот сказку она сочинила для Лени. Теперь же Лени подросла и поняла, что, как во всякой сказке, и в этой истории есть свои дебри, темные места, разбитые сердца и сбежавшие девушки.

Мама явно злилась на бабушку и все равно приехала к ней за помощью, причем ей даже не пришлось просить денег, бабушка сама дала. Лени не понимала, в чем тут подвох, и тревожилась. Из-за чего же мать и дочь так отделились друг от друга?

Мама свернула к их гаражу и заглушила мотор. Радио замолчало, и повисла тишина.

– Мы не расскажем папе, что бабушка дала нам денег, – предупредила мама. – Он человек гордый.

– Но...

– Лени, это не обсуждается. Ты не скажешь ему ни слова. – Мама вылезла из машины и захлопнула дверцу.

Озадаченная неожиданным маминым приказом, Лени выбралась из прокуренной машины и последовала за мамой по топкой грязной лужайке к входной двери мимо громоздившихся друг на друга запущенных можжевельников кустов размером с «фольксваген».

Папа сидел за столом на кухне, разложив перед собой книги и карты, и пил из бутылки кока-колу. Поднял на них глаза, расплылся в улыбке.

– А я тут начертил наш маршрут. Поедем по Британской Колумбии и Юкону. Это почти две с половиной тысячи миль. Отметьте у себя в календариках, дамы: через четыре дня начнется наша новая жизнь.

– Но учебный год еще не кончился... – возразила Лени.

– Да что толку от учебы? Там ты пройдешь школу жизни, – ответил папа и посмотрел на маму. – Я продал «понтиак», коллекцию монет и гитару. Так что теперь у нас в карманах кое-что водится. Обменяем твой «мустанг» на «фольксваген», хотя, конечно, нам не помешали бы еще деньжата.

Лени покосилась на маму и поймала ее взгляд.

Не говори ему.

Неправильно это. Ведь обманывать нехорошо. А умалчивать – все равно что врать.

Но Лени ничего не сказала. Ей и в голову бы не пришло послушаться маму. В этом огромном мире – а сейчас, когда перед ними маячила перспектива переезда на Аляску, он казался в три раза больше – мама была единственной, кому Лени могла безоговорочно доверять.

Три

– Лени, детка, просыпайся. Мы почти приехали!

Она моргнула и открыла глаза. Сперва увидела собственные колени в крошках от чипсов, потом заваленную фантиками старую газету и раскрытую книгу «Властелин колец. Братство кольца», которая лежала на сиденье мягкой обложкой вверх, точно крошечная палатка. Пожелтевшие страницы книги торчали наружу. Главная драгоценность Лени, фотоаппарат «поляроид», висел у нее на шее.

На север они ехали по Аляскинской трассе, которая почти на всем протяжении была грунтовой. Путешествие выдалось чудесным – их первый настоящий семейный отпуск. Днем они катили по шоссе под ярким солнцем, а по ночам разбивали лагерь на берегах бурных рек и тихих ручьев, в тени горных пиков, похожих на зубья пилы, сидели возле костра и мечтали о будущем, которое с каждым днем казалось все ближе. На ужин жарили хот-доги, а на десерт пекли смор,¹³ рассказывали истории, гадали, что же ждет их в конце пути. Никогда еще Лени не видела родителей такими счастливыми. Особенно папу. Он смеялся, шутил и сулил им золотые горы. Он стал точь-в-точь таким, как раньше, до войны.

Обычно во время таких поездок Лени читала не отрываясь, на этот же раз то и дело засматривалась в окно, на величественные горы Британской Колумбии. Сидя на заднем сиденье микроавтобуса, Лени любовалась постоянно сменявшимися пейзажами и воображала себя то Фродо, то Бильбо, героиней собственных приключений.

«Фольксваген» наскочил колесом на какую-то неровность – может, на бордюр, – и вещи полетели на пол, закатились под рюкзаки и коробки с домашним скарбом. Автобус так резко остановился, что завизжали тормоза, запахло паленой резиной и выхлопными газами.

Сквозь заляпанное стекло в пятнах от насекомых струился солнечный свет. Лени перелезла через груды кое-как свернутых спальников и открыла дверь. Холодный ветер трепал их радужный плакат «Аляска или смерть!», прилепленный к автобусу изолянтной.

Лени выбралась из фургона.

– Мы все-таки доехали, Рыжик. – Папа обнял ее за плечи. – Это край света. Хомер, штат Аляска. Сюда приезжают со всей округи, чтобы пополнить запасы. В общем, это последний оплот цивилизации. Говорят, что здесь кончается земля и начинается океан.

– Ух ты... – протянула мама.

Лени прочитала кучу статей и книг, пересмотрела массу фотографий, но первозданная, непостижимая красота Аляски все равно застала ее врасплох. Она казалась волшебной, неземной. Вдоль всего горизонта тянулись бескрайние снежные горы, ледяные вершины, точно ножи, впивались в ясное васильковое небо. Залив Качемак блестел на солнце, будто новенькая монета. Бухту усеивали лодки. Остро пахло морем. Над водой парили птицы, то ныряя, то проворно взмывая ввысь.

Знаменитая песчаная коса, о которой читала Лени, изгибаясь, вдавалась в море на четыре с половиной мили. Вдоль кромки прибоя ютились домики на сваях, пестрые, словно карнавальные; все здесь выглядело красочным, подвижным и мимолетным – последний привал, на котором любители приключений пополняют запасы, прежде чем отправиться в неизведанные дебри Аляски.

Лени вскинула «поляроид» и принялась щелкать затвором, карточки едва успевали вылезать. Лени выхватывала фотографию за фотографией и смотрела, как проявляется изображение, как на лоснящейся белой бумаге постепенно проступают очертания свайных хижин над водой.

¹³ Традиционное лакомство из печенья, шоколада и маршмеллоу, запекается на костре.

– Наш участок вон там, – отец указал на ожерелье изумрудных холмов в тумане, на другом берегу залива Качемак, – наш новый дом. Формально это полуостров Кенай, но по суше до Канека не добраться, его отделяют от материка горы и обширные ледники. Так что туда или на лодке, или на самолете.

Мама подошла и встала рядом с Лени. В расклеванных джинсах с низкой талией и маечке с кружевной каймой, бледная, белокурая, блеклая, как здешние пейзажи, Кора казалась ангелом, спустившимся на берег, который давно ее ждал. И мамин переливчатый смех звучал здесь так естественно: эхо китайских колокольчиков на входе в магазин. Подул холодный ветер, маечка облепила не стесненную лифчиком грудь.

– Ну как тебе, доченька?

– Класс, – ответила Лени и снова щелкнула затвором фотоаппарата, но бумаге и чернилам не под силу было передать великолепие гор.

Отец обернулся к ним. Уголки его губ морщила улыбка.

– Паром до Канека завтра. Давайте проедем по городу, а потом разобьем лагерь на берегу и прогуляемся. Что скажете?

– Ура! – в один голос воскликнули мама и Лени.

Они съехали с косы и покатали по улицам. Лени, прижавшись лицом к стеклу, разглядывала городок. Дома здесь встречались самые разные: вот огромный коттедж с блестящими стеклами, а рядом лачуга с прилепленным изолентой пластиком. Дома-шалаша, сараюшки, передвижные дома, трейлеры. Вдоль обочины автобусы с занавесочками на окнах; перед автобусами стулья. Попадают и чистые ухоженные дворы за белеными заборчиками, и заваленные ржавой рухлядью, с брошенными машинами и старой бытовой техникой. Большинство домов недостроены. Магазины и конторы ютятся где попало – и в ржавых трейлерах, и в новеньких бревенчатых домах, и в придорожных халупах. Место, в общем, диковатое, но не совсем глушь, как ожидала Лени.

Они свернули на длинный серый берег, и папа включил радио. Автобус еле полз: шины везли в песке. Вдоль берега стояли машины – пикапы, фургоны, легковушки. Люди явно жили здесь как придется – в палатках, сломанных автомобилях, лачугах из брезента и бревен, выброшенных морем на берег.

– Их зовут «крысами с косы», – пояснил отец, высматривая, где бы припарковаться. – Они работают у чартерных перевозчиков и на консервных заводах.

Папа втиснулся между заляпанным грязью «фордом-эконолайном» с номерами Небраски и лимонно-зеленым «АМС Гремлингом», окна которого были закрыты картонками. Палатку установили на песке и для надежности привязали к бамперу автобуса: с моря сильно дуло.

Волны с шуршанием накатывали на берег и отступали. Люди вокруг наслаждались погожим днем: бросали собакам фрисби, разводили костры, плавали на каяках. Величественные здешние пейзажи, казалось, приглушали их легкомысленную болтовню.

Весь день они, словно туристы, бродили по городку. Мама с папой купили пиво в салуне «Морской волчара», а Лени – мороженое в лачуге на косе. Еще они перерыли все корзины с вещами и обувью в конторе Армии спасения и нашли-таки каждому резиновые сапоги. За пятьдесят центов Лени купила пятнадцать старых книжек, почти все они были в пятнах и покорибились от воды. Папа добыл воздушного змея, чтобы запускать на пляже. Мама тайком сунула Лени деньги и сказала:

– Купи себе кассету.

Наконец они уселись за деревянный стол в маленьком кафе на самом краю косы и заказали свежесловленного краба. Лени очень понравился солоновато-сладкий вкус белого крабьего мяса в растопленном сливочном масле. Чайки требовательно кричали, кружили над ними, поглядывая на хлеб и картошку фри.

На памяти Лени это был самый счастливый день. Казалось, дальше будет только лучше.

Наутро они загнали автобус на неповоротливую «Тастамену» (местные звали ее «Тасты»), приписанную к здешней судоходной компании. Старенький, но крепкий паром обслуживал отдаленные уголки: Хомер, Канек, Селдовию, Датч-Харбор, Кадьяк и практически необитаемые Алеутские острова. Едва автобус занял место среди других машин, как Лени с родителями тут же побежали на палубу, к перилам. Наверху уже толпились пассажиры, в основном косматые бородачи в бейсболках, клетчатых фланелевых рубашках, дурых жилетах и грязных джинсах, заправленных в резиновые сапоги. Несколько юных хиппи сразу можно было узнать по рюкзакам, рубашкам из варенки и сандалиям.

Огромный паром, изрыгая клубы дыма, попятился от причала, и вскоре Лени поняла, что залив Качемак вовсе не такой тихий, как казалось с берега. Бурное море белело барашками, волны накатывали друг на друга, били в борт. Завораживающее, волшебное зрелище. Лени отщелкала по меньшей мере дюжину кадров и спрятала карточки в карман.

В волнах показалась стая косаток, с камней на них заревели морские львы. В водорослях у прибрежных скал охотились выдры.

Наконец паром повернул и с пыhtением обогнул изумрудный холмистый берег, который защищал их от ветра, бушевавшего в заливе. Здесь волн не было; паром встретили покрытые буйной растительностью острова с заваленными корягами каменистыми берегами.

– Подходим к Канеку! – объявили по громкой связи. – Следующая остановка – Селдовия!

– Вперед, Олбрайты. В автобус! – смеясь, scomандовал отец.

Они пробрались меж припаркованных машин и уселись в «фольксваген».

– Жду не дождусь, когда увижу наш новый дом, – призналась мама.

Паром причалил, они съехали на берег и покатали в гору по широкой грязной дороге, по бокам которой рос густой лес. На вершине холма стояла белая дощатая церковь с голубым куполом, увенчанная православным крестом. За церковью виднелось огороженное штaketником маленькое кладбище с деревянными крестами.

Они взобрались на вершину холма, спустились по склону на другую сторону, и перед ними предстал Канек.

– Это он? – Лени выглянула в грязное окно. – Не может быть.

Она увидела припаркованные на лужайках трейлеры, возле них стулья, рядом дома, которые в штате Вашингтон называли бы лачугами. Перед одной из таких лачуг были привязаны три тощие псины, каждая стояла на своей покосившейся конуре и заходила визгливым лаем. Кое-где в траве виднелись дыры и борозды: собаки от скуки рыли землю.

– Это старинный город с удивительной историей, – сказал папа. – Основали его алеуты. Потом здесь жили русские торговцы мехом, а следом за ними поселились золотоискатели. В 1964 году случилось землетрясение, да такое сильное, что земля за секунду опустилась на пять футов. Дома обрушились в море.

Лени во все глаза смотрела на покосившиеся халупы с пузырившейся краской, которые тянулись вдоль исшарканного дощатого тротуара. Город стоял на сваях в илистой низине, за низиной – гавань с множеством рыбацких лодок. Главную улицу не мостили, длиной она была от силы в квартал.

По левую руку Лени увидела салун «Лягающийся лось». Стены его почернели, обуглились, здесь явно отбушевал пожар, но в грязное окно можно было разглядеть посетителей. В десять утра в четверг пьют в выгоревшем остовете салуна.

С той стороны улицы, что ближе к заливу, Лени увидела закрытый пансион, который, как заметил папа, выстроили, должно быть, сотню лет назад для русских торговцев пушниной. Рядом с ним призывно распахнул двери кабачок «Рыба есть!», размером не больше кладовки, за стойкой сидели посетители. У входа в гавань была припаркована пара старых пикапов.

– А школа где? – встревожилась Лени.

Разве это город? Глухой поселок. Через такие вот городки сотню лет назад тянулись на запад караваны крытых повозок, здесь никто не задерживался. Есть ли здесь вообще ее ровесники?

Отец подъехал к узкому дому в викторианском стиле, со шпилем на крыше. Когда-то дом был синим, там и сям на фасаде, где новая краска облупилась, проступали пятна этого цвета. На окне виднелась золоченая надпись с завитушками: «Пробирная контора». Под ней кто-то прилепил скотчем бумажку, на которой накорябал от руки: «Фактория/Универмаг».

– Ну что, Олбрайты, давайте спросим дорогу.

Мама выскочила из автобуса и устремилась к очагу цивилизации. Когда она открыла дверь, над ее головой тренькнул колокольчик. Лени скользнула следом за мамой, обняла ее сзади.

В окна за их спиной пробивались солнечные лучи, освещая переднюю часть магазина, в остальном же помещении горела одна-единственная голая лампочка. Дальний конец зала тонул в тени.

В магазине пахло старой кожей, виски и табаком. Вдоль стен тянулись стеллажи с пилами, тяпками, топорами, меховыми унтами, рыбацкими резиновыми сапогами, горами носков, коробками с налобными фонарями. На каждом столбе висели капканы и цепи, смотанные в петли. На полках и на прилавке – с десяток чучел животных, на блестящей деревянной дощечке навеки застыла длиннющая чавыча, на стенах прибиты головы лосей, олени рога, белые звериные черепа. В углу пылилось чучело лисицы. Слева стояли продукты: мешки картошки, ведра лука, пирамиды банок консервированного лосося, краба, сардин, мешки риса, муки и сахара, банки растительного масла. А вот и любимый ряд Лени – всякие вкусности. Красивые разноцветные фантики напоминали о доме. Картофельные чипсы, стаканчики с карамельным пудингом, коробки с овсяными хлопьями.

В такой магазинчик вполне могла бы заглянуть сама Лора Инглз Уайлдер.¹⁴

– Покупатели!

Лени услышала, как кто-то хлопнул в ладоши. Из тени появилась чернокожая женщина с торчащими в разные стороны кудряшками – высокая, широкоплечая и такая толстая, что из-за полированного деревянного прилавка ей пришлось протискиваться боком. Лицо усеивали крохотные черные родинки.

Женщина двинулась к ним, да так энергично, что загремели костяные браслеты на ее крепких запястьях. Она была уже немолода: лет пятидесяти, а то и старше. На женщине была длинная лоскутная джинсовая юбка, непарные шерстяные носки и сандалии с открытыми носами, а под расстегнутой длинной синей рубахой виднелась линялая футболка. В ножнах на широком кожаном ремне висел нож.

– Милости просим! Да вы не смущайтесь, это только кажется, что здесь все свалено в кучу, я-то знаю, где что лежит, вплоть до уплотнительных колец и мизинчиковых батареек. Кстати, местные зовут меня Марджи-шире-баржи.

– И как вы их еще за это не поубивали? – улыбнулась мама так очаровательно, что невозможно было не улыбнуться ей в ответ.

Марджи-шире-баржи зашлась лающим смехом. Казалось, она задыхается.

– Люблю женщин с юмором. Так с кем же я имею удовольствие беседовать?

– Кора Олбрайт, – представилась мама. – А это моя дочь Лени.

– Добро пожаловать в Канек, дамы. Туристы к нам заглядывают нечасто.

Тут в магазин вошел папа и заметил:

– А мы здешние, вернее, будем. Только что приехали.

¹⁴ Лора Инглз Уайлдер (1867–1957) – американская писательница, автор книг для детей о первопоселенцах на Диком Западе.

Марджи-шире-баржи удивленно наклонила голову, так что ее двойной подбородок превратился в тройной.

– Здешние?

Папа протянул руку.

– Бо Харлан завещал мне свой дом, вот мы и переехали.

– Ну надо же! А я ваша соседка, Мардж Бердсолл. Мой дом в полумиле от вашего. Там и знак есть. Вообще тут многие живут сами по себе, в тайге, без всяких удобств, ну а к нашим домам, слава богу, есть дорога. Кстати, вы припасы-то сделали? Если хотите, открою вам счет. Можно расплатиться деньгами, можно добычей или отработать. У нас здесь так принято.

– Вот за такой жизнью мы сюда и ехали, – ответил папа. – С деньгами у нас, признаться, туговато, так что я лучше отработаю. Я отличный механик. Могу починить практически любой движок.

– Здорово. Я всем так и скажу.

Папа кивнул:

– Спасибо. Нам нужен бекон. Еще, пожалуй, рис. И виски.

– Вон там, – указала Марджи-шире-баржи, – за топорами и тесаками.

Папа скрылся в глубине магазина.

Марджи-шире-баржи повернулась к маме и окинула ее с головы до ног оценивающим взглядом.

– Я так понимаю, Кора Олбрайт, об Аляске мечтал ваш муж, вот вы и снялись в одночасье и приехали сюда.

Мама улыбнулась:

– Да мы всегда так: захотели – сделали. А иначе жить скучно.

– Понятно. Но здесь вам придется научиться выживать. Ради себя и вашей девочки. Нельзя рассчитывать только на мужа. Вы должны знать, как уберечь себя и красавицу-дочку.

– Звучит страшновато, – заметила мама.

Марджи-шире-баржи наклонилась, подтащила к себе большую картонную коробку и приналась в ней рыться. Черные пальцы так и порхали над коробкой, будто на пианино играли. Наконец Мардж выудила два здоровенных оранжевых свистка на черных ремешках и повесила их на шею маме и Лени.

– Это от медведей. Обязательно пригодится. Урок первый: на Аляске нельзя ходить тихо и без оружия. По крайней мере, в такой глуши и в это время года.

– Вы хотите нас напугать? – отшутилась мама.

– Именно так. Не боятся только дураки. Сюда ведь много народу приезжает, с фотоаппаратами и мечтами о простой жизни. И каждый год на Аляске пропадает пять человек из тысячи. Исчезают без следа. Ну а эти мечтатели... большинство сдается и убегает после первой зимы. Ждут не дождутся, когда можно будет вернуться на материк, к автокинотеатрам и нормальному отоплению: щелкнул выключателем – и сразу тепло. И к солнечному свету.

– Вас послушать, здесь на каждом шагу подстерегают опасности, – поежилась мама.

– Видите ли, Кора, на Аляску приезжают по двум причинам: либо бегут куда-то, либо откуда-то. И вот за теми, которые здесь по второй причине, нужно смотреть в оба. Да и не только люди опасны. Аляска непредсказуема. Глазом моргнуть не успеешь, как эта Спящая красавица превратится в стерву с обрезом. У нас ведь как говорят: тут ошибаются только раз. Потому что вторая ошибка станет последней.

Мама закурила. Рука у нее дрожала.

– Да уж, Марджи, умеете вы встретить гостей добрым словом.

Марджи-шире-баржи снова расхохоталась.

– Ваша правда, Кора. Совсем я в тайге одичала. – Мардж ободряюще сжала хрупкое мамино плечо. – Ладно, успокою вас: здесь, в Канеке, все как одна семья. В этой части полу-

острова круглый год живет человек тридцать от силы, так что уж о своих мы заботимся. Мой участок рядом с вашим. Если вам что-нибудь понадобится, что угодно, – берете рацию и вызываете меня. И я прибегу.

* * *

Папа положил на руль листок из блокнота с картой, которую нарисовала для них Марджи-шире-баржи. Канек на карте был изображен красным кружком, из которого выходила одна-единственная прямая линия. Это была дорога (она здесь вообще-то одна, пояснила Мардж) из города в Оттер-Коув. Прямую перечеркивали три красных креста. Первый слева – вотчина Мардж, затем справа владения Тома Уокера и последний, третий, в самом конце прямой, – участок Бо Харлана.

– Ну что, – проговорил папа, – едем две мили мимо Айсикл-Крик, там будет участок Тома Уокера, с железными воротами. А наш чуть дальше, в самом конце дороги, – пояснил папа и уронил карту на пол. Они катили к окраине городка. – Мардж сказала, не заплутаем.

С грохотом проехали по шаткому мосту, изгибавшемуся над хрустально-голубой рекой. За мостом тянулись болота, усыпанные желтыми и розовыми цветами, и взлетно-посадочная полоса, где стояли на приколе четыре дряхлых самолетика.

За посадочной полосой гравий закончился, началась каменистая грунтовка. По обе стороны от дороги густо росли деревья. Лобовое стекло усеивали капли грязи и пятна от комаров. Вся дорога была изрыта ямами величиной с детскую ванночку, так что старенький автобус немилосердно трясло. «Ни хрена себе!» – восклицал папа, когда они в очередной раз едва не падали с сидений. По пути не встретилось ни единого дома, никаких признаков цивилизации, пока они не доехали до заваленной ржавой рухлядью дорожки. На обочинах догнивали автомобили. На табличке от руки было написано: «Бердсолл». Жилье Марджи-шире-баржи.

Дальше дорога стала еще хуже. Ухаб на ухабе. Гранит и грязные лужи. Вдоль дороги тянулись заросли травы, репейника и такие высокие деревья, за которыми ничего не было видно.

Вот теперь они и правда забрались в глушь.

Они преодолели очередной пустой отрезок дороги и очутились у ржавых железных ворот, на которых торчал белесый коровий череп. Владения Уокера.

– Что-то мне не внушают доверия соседи, которые украшают ворота костями мертвых животных, – призналась мама и вцепилась в дверную ручку. На очередной выбоине автобус трянуло, и ручка осталась у мамы в руке.

Через пять минут папа врезал по тормозам. Еще двести футов – и они сверзились бы с обрыва.

– Господи боже, – прошептала мама. Дорога кончилась, впереди только подлесок и гранитные скалы. Край света. В прямом смысле слова.

– Доехали! – папа выпрыгнул из автобуса и захлопнул дверь.

Мама посмотрела на Лени. Обе думали об одном: здесь ничего нет, кроме грязи, деревьев и скал, с которых они чуть не сорвались в тумане. Они вылезли из автобуса и встали рядышком. Где-то неподалеку – скорее всего, под видневшейся невдалеке скалой, – ревели и бушевали волны.

– Смотрите, какая красотища! – Папа раскинул руки, будто хотел все это обнять. Казалось, он рос и крепчал на глазах, точно дерево, широко расставившее ветви. Ему *нравились* эта глушь, эта пустота. Он за этим сюда и ехал.

Тропинка к их дому вела по узкому перешейку, с обеих сторон его сжимали отвесные скалы, о которые бился океан. Ревел он так громко, что звенело в ушах. Лени вообразила, как молния или землетрясение отколет этот клочок земли и он поплывет, точно дрейфующая крепость на острове.

– Вот наша дорожка, – указал папа.

– Дорожка? – спросила мама, глядя на поросшую тоненьким молодым ольшаником тропинку. Казалось, по ней не ездили много лет.

– Бо ведь уехал отсюда давным-давно. Ничего, мы потом расчистим дорожку, ну а пока пойдем пешком, – сказал папа.

– Пешком? – не поняла мама.

Папа принялся доставать из автобуса вещи. Пока мама и Лени стояли и глазели на деревья, он разложил самое необходимое в три рюкзака и скомандовал:

– Ну все. Пошли.

Лени оторопело уставилась на рюкзаки.

– Давай, Рыжик. – Папа поднял рюкзак размером чуть ли не с «бьюик».

– Ты хочешь, чтобы я это несла? – не поверила Лени.

– Если ты хочешь поесть и лечь спать в доме, – ухмыльнулся папа. – Вперед, Рыжик. Не бойся, справишься.

Папа навьючил на Лени рюкзак, и она почувствовала себя черепахой, которой велик панцирь. Если упадет, уже не встанет. Лени преувеличенно осторожно отошла в сторону, а папа помог маме надеть рюкзак.

– Ну что, Олбрайты, – папа подхватил свой рюкзак, – пошли домой!

Он устремился вперед, размахивая руками в такт шагам. Лени слышала, как чавкает и хлопает грязь под подошвами его старых армейских ботинок. Папа насвистывал себе под нос, словно Джонни Эпплсид.¹⁵

Мама с тоской оглянулась на автобус, потом повернулась к дочери и улыбнулась, но Лени показалось, что в маминой улыбке сквозит не радость, а страх.

– Ну что ж, – сказала мама, – пошли.

Лени взяла ее за руку.

Они шли по узкой извилистой тропинке, по обеим сторонам шумело море, но чем глубже они забирались в лес, тем тише становился прибой. Пространство перед ними ширилось: все больше деревьев, больше земли, больше теней.

– Господи боже мой, – чуть погодя вздохнула мама. – Да сколько нам еще идти? – Она запнулась о камень и рухнула на колени.

– Мама! – Лени машинально протянула ей руку, рюкзак перевесил и буквально швырнул ее на землю. В рот набилась грязь, не отплюешься.

Папа в мгновение ока подбежал к ним и помог подняться. – Держитесь-ка вы за меня, – сказал он, и все трое пошли дальше.

Деревья теснили друг друга, боролись за место, и над тропинкой стоял полумрак. В пробивавшихся сквозь кроны лучах солнца висела пыль. Пока Лени с родителями шли по лесу, лучи густели, меняли цвет. Поросшая лишайниками земля пружинила под ногами, точно шагаешь по зефиру. Вскоре Лени заметила, что тени уже ей по щиколотку, словно не солнце садилось, а поднималась тьма. А может, здесь всегда темно.

Ветки лезли в лицо, ноги вязли в топкой почве. Наконец они вышли на светлую поляну, поросшую травой и цветами. Их сорок акров земли располагались на полуострове – широкая и длинная полоса суши, по форме напоминавшая палец, с трех сторон окруженная водой. Слева и справа бился о скалы прибой, посередине изогнулся подковой маленький пляж. Там море было тихим и чистым.

Лени, пошатываясь, выбралась на поляну, расстегнула ремни рюкзака и сбросила его на землю. Мама последовала ее примеру.

¹⁵ Джонни Эпплсид (настоящее имя Джонатан Чепмен, 1774–1845) – американский первопоселенец и христианский миссионер, чей образ вошел в фольклор.

А вот и дом, который им завещали. Маленькая, почерневшая от старости бревенчатая лачуга с поросшей мхом покатою крышей, ее украшали десятки выбеленных временем звенящих черепов. Гнилая веранда, заставленная зелеными от плесени пластиковыми стульями. Слева, между домом и лесом, заброшенные загоны для скотины и полуразрушенный курятник.

И мусор, мусор повсюду. В густой траве гора ржавых спиц, бочки из-под бензина, мотки бурой проволоки, старенькая деревянная стиральная машинка – валки с ручкой для отжима.

Папа упер руки в боки, запрокинул голову и завыл по-волчьи. Потом замолчал, и снова наступила тишина. Папа обхватил маму и закружил.

Когда он наконец ее отпустил, мама споткнулась, чуть не упала и рассмеялась, хотя в глазах ее был страх. В такой хижине впору жить какому-нибудь дряхлому беззубому отшельнику. Она же крошечная.

Неужели им придется втроем ютиться в одной комнатке? – Вы только посмотрите! – Папа обвел окрестности рукой. – Вот он, Оттер-Коув.

Небо в этот предзакатный час окрасилось изумительными оттенками, а море и трава, казалось, светились изнутри, точно в какой-нибудь сказочной стране. Лени в жизни не видала таких ярких красок. Подножия гор на другом берегу были густо-фиолетовыми, а вершины – кипенно-белыми.

Внизу изгибался пляж, их собственный пляж – серая галька в легкой белой пене прибоя. На берег спускалась зигзагом шаткая лестница. Доски почернели от времени и от плесени, каждую ступеньку обтягивала мелкая проволочная сетка. Лестница выглядела до того ветхой, что, казалось, дунь ветер посильнее – и она развалится.

Отлив обнажил прибрежные камни, покрытые илом и водорослями. На камнях блестели черные ракушки мидий.

Лени вспомнила, как папа рассказывал: приливной бор в верховьях залива Кука такой, что можно заниматься серфингом, да и здесь в прилив вода поднимается ого-го как. Выше только в заливе Фанди. Лени лишь сейчас в полной мере это осмыслила, когда увидела, до какой ступеньки может дойти вода. Должно быть, в прилив здесь красиво, теперь же, когда море отступило, обнажив ил, Лени догадалась, что в отлив к ним на лодке не добраться.

– Ладно, пошли смотреть дом, – сказал папа.

Он взял Лени за руку и повел по заросшей травой и цветами поляне, мимо мусора – перевернутых бочек, штабелей деревянных поддонов, старых ведер и сломанных ловушек для крабов. Вокруг жужжали комары, кусались, пили кровь.

Мама остановилась на крыльце, не решаясь войти. Папа выпустил руку Лени, вприпрыжку взбежал по лестнице – ступени прогибались под его ногами, – распахнул дверь и скрылся внутри.

Мама глубоко вздохнула и с силой шлепнула себя по шее, оставив кровавый след.

– М-да... – протянула она. – Я не так себе все представляла.

– Я тоже, – ответила Лени.

Обе долго молчали, а потом мама сказала:

– Ладно, пошли.

Она взяла Лени за руку, и они поднялись по ветхим ступенькам в темную хижину.

Первым делом Лени заметила запах.

Дерьмо. В доме нагадил какой-то зверь, – по крайней мере, Лени очень надеялась, что это был именно зверь. Она зажала рот и нос ладонью.

В полумраке из тени проступали смутные очертания предметов. С балок свисала похожая на мотки веревки паутина. От пыли было трудно дышать. Пол был усыпан дохлыми насекомыми, они так и хрустели под ногами.

– Фу, – скривилась Лени.

Мама распахнула грязные занавески, и комнату залил свет. Пыль в лучах солнца стояла столбом.

Внутри домик оказался просторнее, чем выглядел со двора. Сколоченный из грубой фанеры пол напоминал лоскутное одеяло, куски не подходили друг другу по цвету и фактуре. На голых бревенчатых стенах висели капканы, удочки, корзины, сковородки, ведра, сети. В углу главной комнаты уютилась какая ни есть кухня. Лени увидела старый примус и раковину без сливной трубы, пространство под раковиной скрывала занавесочка. На кухонном столе стоял пыльный любительский радиоприемник времен, наверно, Второй мировой войны. В центре комнаты обосновалась черная дровяная печь, жестяная узловатая труба ее указывала в потолок, точно перст в небо. Видавший виды диван, перевернутый ящик с надписью «Керосин» и складной столик с четырьмя железными стульями – вот и вся обстановка. Узкая крутая лестница вела на залитый светом чердак; чтобы пройти в узкий дверной проем слева, нужно было раздвинуть занавеску из бусин кислотных расцветок.

Лени отвела в сторону пыльные бусины и очутилась в каморке размером не больше валявшегося на полу комковатого матраса в грязных пятнах. Здесь на вбитых в стену крюках тоже висел всякий хлам. Пахло пометом и осевшей пылью.

По-прежнему зажимая рот ладонью, чтобы не сблевать, Лени вернулась в гостиную (хрусть-хрусть – дохлые насекомые под ногами).

– А где туалет?

Мама ахнула, бросилась к двери, распахнула ее и выбежала во двор.

Лени выскочила следом на проседавшую веранду и вниз по разваливающейся лестнице.

– Вот он. – Мама указала на приютившуюся между деревьев деревянную будку с вырезанным на двери полумесяцем: тут уж сомнений быть не могло.

Уборная во дворе.

Выгребная яма.

– Вот дерьмо, – прошептала Кора.

– В прямом смысле, – в тон ей ответила Лени.

Лени прижалась к маме. Она понимала, каково той сейчас. Значит, Лени должна быть сильной за двоих. Так уж у них с мамой повелось. Они были сильными по очереди. Потому и продержались все годы войны.

– Спасибо, детонька. И правда смешно. – Мама обвила Лени рукой, прижала к себе. – Ничего, как-нибудь приспособимся, верно? Обойдемся без телевизора. И без водопровода. И без электричества. – Тут у мамы сорвался голос, и последняя фраза прозвучала как крик отчаяния.

– Справимся, мам, – с деланой уверенностью ответила Лени, стараясь не выдать страха. – Да и папа наконец-то будет счастлив.

– Думаешь?

– Знаю.

Четыре

Наутро они засучили рукава и принялись за дело. Лени с мамой убрали в домике. Подметали, мыли, скребли. Кухонная раковина оказалась «сухой» (водопровода-то не было), то есть воду сперва требовалось принести с протекавшего неподалеку ручья и вскипятить, а потом уже пить, готовить или мыться. Электричества не было. Газовые лампы висели на стропильных балках, стояли на фанерной столешнице. Под домом был устроен погребок площадью восемь на десять футов, не менее, вдоль его стен тянулись пыльные провисшие полки, уставленные грязными пустыми стеклянными банками и покореженными корзинами. Погребок они тоже вымыли. Папа же тем временем расчищал дорогу к дому, чтобы можно было привезти во двор оставшиеся вещи.

К концу второго дня – который, к слову, длился целую вечность, солнце все светило и светило, – уже в одиннадцатом часу, они закончили работу.

Папа развел на пляже – их собственном пляже – костер, они уселись на бревнах вокруг огня, ели сэндвичи с тунцом и пили теплую кока-колу. Папа набрал мидий и венерок, научил Лени с мамой их открывать. Они глотали склизкое содержимое раковин.

А ночь все не наступала. Небо окрасилось в густые лилово-розовые тона. Сквозь пляшущее рыжее пламя костра, над которым вились и мелодично потрескивали искры, Лени смотрела на сидевших под шерстяным одеялом родителей. Мама дремала у папы на плече. Папина рука любовно покоилась у нее на бедре. Лени их сфотографировала.

Папа заметил вспышку, услышал жужжание «поляроида», поднял глаза и улыбнулся.

– Мы здесь будем счастливы, Рыжик. Ты же это понимаешь?

– Ага, – ответила Лени и, может быть, впервые в жизни сама поверила в это.

* * *

Лени проснулась от стука: кто-то – или что-то – барабанил в дверь домика. Она выползла из спального мешка и отпихнула его, впопыхах опрокинув стопку книг. Внизу зашуршали бусины, послышались мамины и папины шаги: родители побежали к двери. Лени проворно натянула вчерашнюю грязную одежду и кубарем слетела с лестницы.

Во дворе стояла Марджи-шире-баржи с двумя товарками; позади них валялся на траве ржавый мотоцикл, а рядом был припаркован вездеход, груженный бухтами мелкой провололочной сетки.

– Здорово, Олбрайты! – весело проговорила Марджишире-баржи и махнула им широкой ладонью. – Я не одна, с подругами, – и указала на двух женщин.

Первая – словно эльф, ростом с ребенка, длинные седые волосы копной, а вторая высокая и худая. Все трое во фланелевых рубашках и грязных джинсах, заправленных в высокие коричневые резиновые сапоги, у каждой по инструменту: у одной бензопила, у другой колун, у третьей плотницкий топорик.

– Мы приехали вам помочь, – пояснила Марджи-ширебаржи. – Надо же с чего-то начинать. И привезли кое-что полезное.

Лени заметила, как нахмурился отец:

– Что же мы, по-вашему, сами не справимся?

– У нас тут так принято, Эрнт, – ответила Марджи-ширебаржи. – Уж поверьте: прочитай вы хоть сотню книг, все равно первая здешняя зима застанет вас врасплох.

Женщина-эльф вышла вперед. Худенькая, носик такой острый, что хоть хлеб режь. Из кармана рубашки торчали кожаные перчатки. Маленькая, но держалась уверенно.

– Меня зовут Натали Уоткинс. Мардж сказала, вы только что приехали и еще не освоились. Я тоже десять лет назад была новичком. Приехала сюда за мужчиной. Старая история. С мужчиной мы расстались, но я здесь уже прижилась. Теперь у меня даже собственная лодка есть, хожу на рыбалку. Так что я понимаю, какая мечта привела вас сюда, но этого мало. Вам придется быстро всему учиться. – Натали натянула желтые перчатки. – Кстати, стоящего мужика я здесь так и не встретила. Как говорится, народу много, а выбрать не из кого.

Следом вышла подруга Натали. Высокая, гибкая, как тростинка, со светло-каштановой косой почти до пояса и блеклыми, как закатное небо, глазами.

– Добро пожаловать в Канек. Я Женева Уокер. Джен. Дженни. Генератор. Зовите как хотите. – Она улыбнулась, и на щеках показались ямочки. – Я-то родом из Фэрбанкса, а муж отсюда. Я влюбилась в его края, вот и осталась, и живу тут уже двадцать лет.

– Вам нужны запасник и парник, и это как минимум, – вмешалась Мардж. – Когда старина Бо купил участок, думал, все тут перестроит. Но потом ушел на войну... и, в общем, так ничего и не доделал.

– Запасы? – не расслышал отец.

Марджи-шире-баржи энергично кивнула:

– Запасник. Это такой тайничок на сваях. Там хранят мясо, чтобы медведи не добрались.

А то они в это время года голодные.

– Ну что, Эрнт, за работу? – Натали наклонилась и взяла лежавшую под ногами пилу. – Я привезла портативную лесопилку. Вы будете валить деревья, а я пилить доски. Надо же с чего-то начинать.

Папа кивнул, ушел в домик, надел дутый жилет и отправился с Натали в лес. Вскоре до Лени донеслось жужжание бензопилы и стук топора.

– А я начну делать парник, – сказала Женева. – Вроде бы у Бо оставались виниловые трубы...

Марджи-шире-баржи подошла к маме и Лени.

Поднялся ветерок, и моментально похолодало. Мама скрестила руки на груди. Должно быть, замерзла – на ней была только футболка *Grateful Dead* и расклешенные джинсы с высокой талией. По голым маминым рукам бегали мурашки. На щеку сел комар. Мама убила его, размазав по щеке кровь.

– Да, комары у нас тут звери, – заметила Марджи-ширебаржи. – В следующий раз привезу вам репеллент.

– Давно вы на Аляске? – спросила мама.

– Десять лучших лет, – ответила Марджи-шире-баржи. – Жизнь здесь трудная, но нет ничего вкуснее только что пойманного лосося, зажаренного в сливочном масле, которое ты сбила из собственных свежих сливок. Здесь никто не будет вам указывать, что и как делать. Каждый живет как может. Для выносливых тут рай на земле.

Лени восхищенно глазела на эту медведицу. Никогда прежде ей не доводилось видеть таких высоких и крепких женщин. Казалось, Марджи-шире-баржи с легкостью может повалить взрослый кедр, закинуть на плечо и унести.

– Мы решили начать все заново, – к удивлению Лени, призналась мама, которая не очень-то любила обсуждать семейную подноготную.

– Он воевал?

– Да. Был в плену. Как вы догадались?

– По нему видно. Да и к тому же... вам ведь этот дом Бо оставил. – Марджи-шире-баржи бросила взгляд налево, где папа и Натали валили лес. – Он вас обижает?

– Н-нет, – ответила мама. – Нет, что вы!

– Ему снятся кошмары? Мучают воспоминания?

– С тех пор как мы уехали на север, все спокойно.

– Вы оптимистка, – заметила Марджи-шире-баржи. – Что ж, для начала неплохо. Ну да ладно. Вы бы переоделись, Кора, а то мошка заест, с вашей-то белой кожей.

Мама кивнула и послушно ушла в дом.

– Ну а у тебя какая история, мисси? – спросила Марджишире-баржи.

– Никакой.

– Брось, у каждого своя история. Может, твоя как раз начнется здесь.

– Может быть.

– Так что ты умеешь?

Лени пожала плечами:

– Да особенно и ничего. Читаю. Фотографирую вот. – Она показала на висевший на шее фотоаппарат. – Правда, здесь от этого никакой пользы.

– Ничего, научишься, – успокоила Марджи-шире-баржи, придвинулась к Лени и заговорщически прошептала ей на ухо: – Это волшебная страна, малышка. Нужно просто ей довериться. Потом сама поймешь. Но Аляска коварна, об этом тоже забывать нельзя. Кажется, Джек Лондон писал, что здесь подстерегают тысячи смертельных опасностей. Так что смотри в оба.

– Зачем?

– Чтобы не попасть в беду.

– Какие же здесь опасности? Климат? Медведи? Волки? А еще?

Марджи-шире-баржи оглянулась через двор на валивших деревья папу и Натали.

– Да всякие. Климат суровый, места глухие, некоторые от этого дуреют.

Но расспросить подробнее Лени не успела: вернулась мама, переодевшись для работы.

– Ну что, Кора, сварите нам кофе? – спросила ее Мардж. Мама рассмеялась и пихнула Лени бедром:

– Давно бы так! Уж что-что, а кофе я варить умею.

* * *

Марджи-шире-баржи, Натали и Женева трудились целый день, да и Лени с родителями не отставали. Аляскинки работали молча, только иногда побряхтывали, общались знаками да кивками. Натали вставила бензопилу в какую-то штуку, похожую на клетку, и в одиночку распилила срубленные отцом бревна. С каждым упавшим деревом становилось чуточку виднее солнце.

Женева научила Лени пилить бревна, забивать гвозди, устраивать приподнятые грядки под овощи. Вместе они начали строить из досок и виниловых труб каркас будущего парника. Лени помогла Женева принести длинный тяжелый рулон полимерной пленки, которую они нашли в сломанном курятнике.

– Уф-ф-ф... – выдохнула запыхавшаяся Лени, бросив рулон на землю. Лоб блестел от пота, влажные кудри облепили раскрасневшееся лицо. Но огород – пусть пока лишь его костяк – внушал ей гордость. Лени чувствовала себя нужной, и ей не терпелось посадить овощи, которыми будет питаться семья.

А пока они работали, Женева рассказывала Лени о том, какие овощи лучше выращивать, как их собирать и как важно иметь запас на зиму.

Зима не сходила у старожилов с языка. На дворе середина мая, впереди лето, а они уже думали о зиме.

– Ладно, отдохни пока, – наконец сказала Женева и выпрямилась. – Мне нужно в уборную.

Пошатываясь, Лени выбралась из будущего парника и увидела маму – с сигаретой в одной руке и чашкой кофе в другой.

– У меня такое ощущение, будто мы провалились в кроличью нору, – призналась мама. Рядом с ней на складном столике из гостинной виднелись следы обеда: мама испекла стопку оладий и нажарила на всех вареной колбасы.

Пахло дымом, табаком и свежераспиленной древесиной. Ревела бензопила, доски с глухим стуком ложились в штабеля, гвозди впивались в дерево.

К ним двинулась Марджи-шире-баржи. Усталая, потная, она все равно улыбалась.

– Кофейку дадите глотнуть?

Мама протянула ей чашку.

Лени, мама и Мардж стояли и смотрели на двор, который преображался на глазах.

– А ваш Эрнт ничего, рукастый, – наконец заметила Марджи-шире-баржи. – Знает свое дело. Он сказал, его отец был фермером.

– Ага, – ответила мама. – Он из Монтаны.

– Вот и отлично. Как починете хлев, я вам продам пару коз. Недорого возьму. Будет у вас свое молоко и сыр. И принесу журналы по сельскому хозяйству, там куча всего полезного.

– Спасибо, – поблагодарила мама.

– Женева очень хвалила Лени, сказала, с ней приятно работать. Это хорошо. – Марджи-шире-баржи так хлопнула Лени по плечу, что та покачнулась. – Кстати, Кора, я посмотрела ваши запасы. Надеюсь, вы не против. Так вот, на зиму их не хватит. Как у вас с деньгами?

– Вообще-то туговато.

Марджи-шире-баржи кивнула и нахмурилась. На ее лице проступили морщины.

– Вы стрелять умеете?

Мама рассмеялась.

Марджи-шире-баржи даже не улыбнулась.

– Кора, я серьезно. Так умеете или нет?

– В смысле, из ружья? – уточнила мама.

– Ну да, из ружья, – ответила Мардж.

Мама затушила сигарету о камень.

– Нет.

– Ну, вы не первые чичако, которые рванули сюда за мечтой и практически без подготовки.

– Чичако? – не поняла Лени.

– Приезжие. Ну да на Аляске неважно, кем вы были до того, как сюда приехали. Главное – кем вы станете здесь. Природа тут дикая, девочки. Это вам не сказки. Здесь все по-настоящему. Сурово. Оглянуться не успеете, как наступит зима, и поверьте, она здесь совсем не такая, как вы привыкли. Зимой мы отрезаны от большой земли. Так что вам придется научиться выживать. Научиться стрелять и убивать, чтобы прокормить и защитить себя. Вы здесь не вершина пищевой цепочки.

Подошли Натали с папой. Натали несла бензопилу и на ходу вытирала потный лоб скомканной банданой. До чего же она тоненькая, да и ростом почти с Лени. Даже не верилось, что у нее хватало сил таскать такую тяжесть.

Натали остановилась рядом с мамой и уперла скругленный конец пилы в носок сапога.

– Ну что, мне пора кормить скотину. Эрнту я оставила подробный чертеж запасника.

К ним подошла перепачканная Женева; волосы, лицо, перед рубашки – все в земле.

– Лени – девочка прилежная. Вам с ней повезло.

Папа обнял маму за плечи.

– Не знаю, как вас и благодарить, дамы.

– Да. Вы нам так помогли, – добавила мама.

Натали улыбнулась и стала еще больше похожа на эльфа.

– Мы всегда рады вам помочь, Кора. Помните об этом. И, кстати, на ночь запирайте дверь. До утра на улицу ни ногой. Если вам нужен ночной горшок, загляните к Мардж в лавку.

У Лени отвисла челюсть. Это что же, ей теперь *писать в ведро*?

– В это время года медведи очень опасны. Особенно черные. Нападают просто так, потому что могут, – пояснила Марджи-шире-баржи. – А еще волки, лоси и прочие. Не ходите без ружья, даже в уборную. – Мардж забрала у Натали пилу и забросила на плечо так легко, словно та была не больше ароматической палочки. – Полиции здесь нет, телефон только в городе, так что, Эрнт, научите ваших девочек стрелять, и побыстрее. Я дам вам список самых необходимых припасов, их нужно раздобыть к сентябрю. Осенью подстрелите лося. Лучше, конечно, охотиться в сезон, но... главное, чтобы в холодильнике было мясо.

– А у нас нет холодильника, – ответила Лени.

Мардж это почему-то рассмешило.

Папа серьезно кивнул:

– Понял.

– Тогда до скорого, – хором сказали женщины, помахали, расселись по мотоциклам, проехали по тропинке к главной дороге и в считанные мгновения скрылись из виду.

После их ухода повисло молчание. Холодный ветер трепал кроны деревьев. Над головой пролетел орел, в его когтях трепыхалась серебристая рыбина величиной со скейтборд. Лени заметила на верхушке сосны собачий ошейник. Наверно, орел поймал и унес собачку. Интересно, хватит ли у орла сил утащить тощую девчонку?

Здесь нужно быть осторожной. И научиться стрелять.

Они поселились на клочке земли, куда в отлив не добраться на лодке, на полуострове, где обитали лишь горстка людей и сотни диких зверей, в суровом климате, который убьет слабака. Ни полицейского участка, ни телефона. Кричи – никто не услышит.

Теперь-то Лени поняла, что значит «глушь».

* * *

Три дня спустя Лени разбудил запах жареного бекона. Она с трудом села.

Руки и ноги нестерпимо болели. Ныло все тело. Зудели комариные укусы. Три дня (а дни здесь тянулись бесконечно, солнце светило чуть не до полуночи) тяжелой работы в буквальном смысле преобразили Лени. Она чувствовала, как бугрятся мускулы там, где их прежде в помине не было.

Лени выползла из спального мешка и натянула джинсы клеш (спала она в фуфайке и носках). Во рту словно кошки нагадили: забыла вечером почистить зубы. Лени уже привыкала экономить воду – она ведь тут не льется из крана, ее приходится таскать в ведрах из ручья.

Лени спустилась по лестнице.

Мама стояла над примусом в кухонном закутке и высыпала овсянку в котелок с кипятком. На черной чугунной сковородке, которую они нашли и отчистили, пузырился и трещал бекон.

Вдали раздавался стук топора, ныне сопровождавший каждый их день. Папа трудился в буквальном смысле от рассвета до заката, то есть едва ли не круглые сутки. Он починил курятник и загоны для коз.

– Мне нужно в санузел, – сказала Лени.

– Смешно, – ответила мама.

Лени надела туристские ботинки и вышла во двор. День выдался ясный. Краски были такие яркие, что мир вокруг казался нереальным: и колыхавшаяся зеленая трава на поляне, и фиолетовые цветы, и серый зигзаг лестницы, что сбегала к лизавшему гальку синему приборю. Вдали простирался неправдоподобно величественный фьорд, высеченный ледниками миллионы лет назад. Лени хотела было вернуться в дом за «поляроидом», чтобы снова сфотогра-

филировать двор, но она уже усвоила, что бумагу надо экономить. Раздобыть ее здесь не так-то просто.

Уборная стояла на крутом обрыве, в зарослях тоненьких елочек. Отсюда был виден холодный каменистый берег. На крышке стульчака кто-то написал: «Я не обещал тебе розарий» – и наклеил переводные картинки с цветами.

Лени осторожно подняла стульчак, обернув пальцы рукавом свитера, и присела, брезгливо отвернувшись от дыры.

Закончив, Лени направилась к домику. Над головой ее парил белоголовый орлан – описал широкий круг, взмыл ввысь и улетел. В ветвях одного из деревьев запутался огромный рыбий скелет и переливался на солнце, точно елочная игрушка. Наверно, орлан бросил, когда ободрал мясо с костей. Справа торчал недостроенный запасник, пока что это были четыре сваи из окоренных бревен и на них дощатый помост три на три фута в двадцати футах от земли. Неподалеку от запасника виднелся огород – шесть пустых приподнятых грядок с похожими на фижмы каркасами из труб и досок, которые предстояло обтянуть полиэтиленом.

– Лени! – окликнул ее отец, когда она шла по двору, и направился к ней энергичной размашистой походкой. Волосы у отца были в земле и опилках, рубаха в масляных пятнах, руки грязные. Отец улыбнулся и помахал Лени.

Лицо его, присыпанное розовой древесной трухой, так сияло, что Лени застыла на месте. Она не помнила, когда в последний раз видела папу таким счастливым.

– Господи, до чего же здесь красиво, – сказал он.

Папа вытер руки красной банданой, засунул ее в карман джинсов, обнял Лени за плечи, и они пошли в дом.

Мама накрывала в гостиной на стол.

Складной столик ужасно шатался, так что завтракали они стоя – ели овсянку из железных мисок. Папа одновременно набивал рот и кашей, и беконом. Казалось, ему жаль тратить время на еду, ведь еще столько предстояло сделать.

Сразу же после завтрака Лени и мама вернулись к уборке. Они уже смели слои пыли, грязи и мертвых насекомых; все половики по очереди повесили на перила веранды и хорошенько выбили вениками, которые были едва ли не грязнее половиков. Мама сняла занавески и отнесла в одну из стоявших во дворе больших бочек из-под бензина. Лени натаскала воды; налила в допотопную стиральную машину, бросила туда хозяйственное мыло и битый час потела на солнце, помешивая занавески в мыльной воде. Потом перетасила гору отяжелевшей ткани, с которой ручьем текло, в бочку с чистой водой и принялась полоскать.

Мокрые занавески надо было пропустить через древнюю машинку для отжимания. Тяжелый, изнурительный труд. Невдалеке во дворе мама пела, отстирывая в мыльной воде очередную стопку одежды.

Затарактел двигатель. Лени разогнулась, потирая нывшую поясницу. Захрустели камни, булькнула вода в луже... из-за деревьев выкатил старенький «фольксваген» и остановился во дворе. Папа наконец-то расчистил дорогу!

Папа посигналил. С деревьев сорвались птицы и исполошенно заголосили.

Мама подняла глаза от стирки, приставила руку козырьком ко лбу. Прикрывавшая ее белокурые волосы бандана промокла от пота, бледное лицо в красном кружеве комариных укусов.

– Ура! Получилось! – воскликнула она.

Папа вылез из автобуса и махнул им рукой:

– Кончай работу, Олбрайты! Поехали кататься!

Лени буквально завизжала от восторга. Она была рада-радешенька отдохнуть от этой каторги. Девочка схватила в охапку выжатые занавески, отнесла на веревку, которую мама натянула меж двух деревьев, и повесила сушиться.

Лени и мама со смехом уселись в старенький автобус. Все вещи были уже в доме (несколько ходок туда-обратно с тяжелыми сумками), так что на сиденьях валялись только журналы да пустые банки из-под кока-колы.

Папа с трудом включил первую передачу: рычаг переключения скоростей разболтался. Автобус закашлялся, как старик, затрясся, загремел и, проваливаясь то одним, то другим колесом в ямки, описал круг по двору.

Лени увидела подъездную дорожку, которую папа расчистил.

– Дорожка уже была, – пояснил папа, перекрикивая вой мотора, – просто ивняком заросла. Я все вырубил.

Проехать можно было, но впритык, так как дорожка оказалась чуть шире автобуса. Ветки стучали в ветровое стекло, царапали бока «фольксвагена», сорвали их плакат, и он повис на дереве. Дорожка ухабистая, каменистая, зато грязи почти не было. Старенький автобус то пыхтел на подъеме, то с глухим стуком ухал в яму. Шины шуршали о голые корни и гранит.

Наконец они выбрались из густой тени на солнце, а подъездная дорожка перешла в грунтовку.

Миновали железные ворота Уокеров, столбик с табличкой «Бердсолл». Лени подалась вперед, ей не терпелось увидеть болота и взлетную полосу, с которых начинался Канек.

Город! Совсем недавно он казался Лени невзрачным поселком, а поди ж ты – пожила несколько дней в глухом уголке и оценила: в Канеке есть магазин. Там много чего можно купить, даже, наверно, шоколадку.

– Держитесь! – Папа свернул налево, в лес.

– Куда это мы? – удивилась мама.

– Надо поблагодарить родных Бо Харлана. Я привез его отцу бутылку виски.

Лени уставилась в замурзанное окно. Из-за слоя пыли все выглядело призрачным, как в тумане. На несколько миль вокруг, насколько хватало глаз, лишь лес да кочки. То и дело попадались машины, гнившие в высокой траве на обочине.

Ни домов, ни почтовых ящиков, хотя кое-где от дороги уходили в чащу грунтовые тропы. Если здесь кто и жил, то явно не хотел, чтобы об этом знали.

Дорога была каменистая, скверная, просто две разбитые тряские колеи. Чем выше они поднимались, тем гуще становился лес, так что и солнца не видать. Через три мили им встретился первый знак: ПРОЕЗД И ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН. ПОВОРАЧИВАЙТЕ ОБРАТНО. ДА, ВЫ. ТЕРРИТОРИЮ ОХРАНЯЮТ СОБАКИ И ВООРУЖЕННЫЕ ЛЮДИ. ХИППИ, ВОН.

Тропа обрывалась на вершине холма у знака СТОЙ, СТРЕЛЯТЬ БУДЕМ. ВЫЖИВШИХ ДОБЬЕМ.

– Господи Иисусе, – прошептала мама. – Мы точно не заблудились?

Дорогу им преградил мужчина с ружьем и встал, широко расставив ноги. Из-под грязной бейсболки торчали каштановые кудри.

– Кто вы? Что вам нужно?

– Давай уедем, – попросила мама.

Папа высунул голову в окно машины:

– Мы к Эрлу Харлану. Я был другом Бо.

Мужчина нахмурился, потом кивнул и посторонился.

– Эрнт, может, не надо? – спросила мама. – У меня сердце не на месте.

Папа переключил передачу. Старенький автобус зафырчал и покатил вперед, подскакивая на камнях и кочках.

Они выехали на просторный грязный пятачок, там-сям торчали пучки желтеющей травы, по краям поляны стояли три дома. Или, скорее, хижины. Строили их явно из того, что оказалось под рукой, – фанеры, гофропластика, бревен. Школьный автобус без покрышек, но с занавесками на окнах утонул по ступицу в грязи. У будок рычали, лаяли и рвались с привязи

тощие собаки. В железных бочках горел огонь, в небо поднимался столб черного дыма. Воняло жженой резиной.

Из хижин вышли люди в грязной одежде. Мужчины с ежиками или с длинными волосами, убранными в хвост, женщины в ковбойских шляпах. У каждого при себе ружье, а на поясе нож в ножнах.

Из бревенчатого дома с покатой крышей появился седой старик с допотопным пистолетом. Старик был тощий и жилистый, с длинной белой бородой. Он грыз зубочистку. Спустился на грязный двор, и собаки словно обезумели: принялись еще сильнее рваться с привязи, повизгивали, припадали к земле. Некоторые запрыгнули на будки и оттуда облаивали всех и вся. Старик прицелился в автобус.

Папа взялся за ручку двери.

– Не ходи! – Мама схватила его за руку.

Папа вырвался, взял бутылку виски, которую привез отцу Бо, и спрыгнул в грязь. Дверь за собой оставил открытой.

– Вы кто такие? – прокричал старик, и зубочистка запрыгала меж его губ.

– Я Эрнст Олбрайт, сэр.

Старик опустил пистолет:

– Эрнст? Это вы? А я Эрл, отец Бо.

– Да, сэр, это я.

– Держите меня семеро! А это кто с вами?

Папа обернулся и махнул Лени с мамой, чтобы вышли из автобуса.

– Ничего не скажешь, хорошо придумал, – пробормотала мама и открыла дверь.

Лени вышла вслед за мамой и услышала, как чавкает под ногами грязь.

Обитатели подворья стояли и тарасились на них.

Папа обнял маму и Лени:

– Это моя жена Кора и дочь Лени. Девочки, а это Эрл, отец Бо.

– Здешние зовут меня Чокнутым Эрлом, – сказал старик, пожал им руки, выхватил у отца бутылку виски и повел их в дом: – Идем, идем.

Лени с трудом заставила себя войти в тесную темную хижину. Воняло потом и плесенью. Вдоль стен тянулись ряды припасов: бутылки с водой, консервы, ящики с продуктами и пивом, стопки спальных мешков. Пространство у одной из стен целиком занимало оружие. Ножи, ружья, коробки с патронами. На вбитых в стену крюках висели старинного вида арбалеты и булавы.

Чокнутый Эрл плюхнулся на стул, сколоченный из досок от ящиков из-под керосина, открыл бутылку виски, поднес ко рту и отпил большой глоток. Потом протянул бутылку папе, и тот пил долго, прежде чем вернуть бутылку Эрлу.

Мама наклонилась и взяла старый противогаз, в коробке их было видимо-невидимо.

– В-вы коллекционируете военную атрибутику? – робко спросила она.

Чокнутый Эрл отпил еще виски, одним глотком едва не ополовинив бутылку.

– Нет. Это не для красоты. Мир сошел с ума. Приходится защищаться. Я приехал сюда в шестьдесят втором. И уже тогда в Нижних сорока восьми¹⁶ творилось черт знает что. Куда ни плюнь, везде коммуяки. После Карибского кризиса все тряслись от страха. В каждом дворе по бомбоубежищу. Я перевез семью сюда. Мы приехали с одним ружьем и мешком коричневого риса. Думали, что в тайге-то уж будем в безопасности, переживем ядерную зиму, которая того и гляди наступит. – Эрл отхлебнул виски и подался вперед: – Но и здесь житье не лучше. С каждым днем все хуже и хуже. Экономiku загубили, бедных наших мальчишек отправили на верную смерть... Это уже не моя Америка.

¹⁶ Так на Аляске называют 48 континентальных штатов и федеральный округ Колумбия.

– Я давно это говорю, – сказал папа. На лице его было написано благоговение, какого Лени прежде видеть не доводилось. Казалось, он всю жизнь ждал этих слов.

– Там, внизу, – продолжал Эрл, – на материке, народ стоит в очереди за бензином, а ОПЕК гребет деньги лопатой и смеется нам в лицо. И неужели вы думаете, что наши старые друзья из СССР забыли про нас после Кубы? Ошибаетесь. Всякие негритосы называют себя «Черными пантерами»¹⁷ и грозят нам кулаками, нелегальные иммигранты отнимают у нас работу. А люди что? Протестуют. Устраивают сидячие забастовки. Швыряют гранаты в пустые почтовые отделения. Шляются с транспарантами по улицам. Но я не такой. У меня есть план.

Папа подался вперед. Глаза его сияли.

– Какой?

– Мы хорошенько подготовились. У нас есть ружья, противогазы, стрелы, патроны. Нас голыми руками не возьмешь.

– Неужели вы правда думаете, что... – начала было мама.

– Еще как думаю, – перебил ее Эрл. – Белого человека ни во что не ставят. Будет война. – Он посмотрел на отца: – Вы же понимаете, Олбрайт, о чем я говорю?

– Еще как. Да мы все это понимаем. А сколько вас? – спросил папа.

Чокнутый Эрл отпил большой глоток, вытер капли с губ и, прищурив слезящиеся глаза, посмотрел сперва на Лени, а потом на Кору.

– Вся наша семья, но уж мы-то сумеем за себя постоять. Чужим мы об этом не рассказываем. Не хватало еще, чтобы народ узнал, где мы, когда ВНМТ.

В дом постучали. «Входи!» – крикнул Чокнутый Эрл. Дверь открылась, и на пороге показалась невысокая жилистая женщина в камуфляжных штанах и желтой футболке с улыбающейся рожой. Волосы женщина заплела в косички, хотя на вид ей было уже под сорок. Рядом с ней стоял здоровенный мужик ростом едва не с дом. Длинная каштановая челка лезла ему в глаза, волосы на затылке забраны в хвост. В руках у женщины была стопка пластиковых контейнеров, в кобуре на бедре висел пистолет.

– Ладно, пап, хватит людей пугать. – Женщина весело улыбнулась и вошла в дом. Следом за ней юркнула чумазая босая девчушка лет четырех. – Меня зовут Тельма Шилл, я дочь Эрла. Бо – мой старший брат. А это мой муж, Тед. И Мэрибет. Мы ее зовем просто Малышка. – Тельма погладила девочку по голове.

– Меня зовут Кора. – Мама протянула руку. – А это Лени.

Лени робко улыбнулась. Муж Тельмы, Тед, прищурясь, рассматривал ее.

Тельма улыбалась искренне, тепло.

– Лени, ты ведь придешь в понедельник в школу?

– Тут есть школа? – удивилась Лени.

– Ну разумеется. Небольшая, конечно, но, думаю, ты найдешь с кем подружиться. К нам детей даже из Беар-Коува возят. Занятия будут еще неделю. Здесь всегда учебный год заканчивают пораньше: дети должны помогать по хозяйству.

– А где находится школа? – спросила мама.

– На Альпийской улице, за салуном. У подножия церковного холма. В общем, не заблудитесь. В понедельник к девяти утра.

– Мы приедем. – Мама улыбнулась Лени.

– Вот и хорошо. Мы так рады, что вы с нами, Кора, Эрнт и Лени. Бо нам столько о вас писал из Вьетнама. Он вас очень любил. Все хотят с вами познакомиться. – Она подошла к Эрнту, взяла за руку и повела за собой на двор.

¹⁷ «Партия черных пантер» – афроамериканская леворадикальная организация, боровшаяся за права чернокожего населения США. Действовала с середины 1960-х по 1970-е годы.

Лени с мамой последовали за ними. Чокнутый Эрл зашаркал следом, ворча на дочь: ишь, раскомандовалась тут.

На дворе их ждала кучка людей в потрепанной одежде – мужчин, женщин, детей, подростков, – и все не с пустыми руками.

– Меня зовут Клайд, – сказал мужчина с бородой, как у Санта-Клауса, и кустистыми бровями, которые нависали над глазами, точно козырьки от солнца. – Младший брат Бо. – Клайд протянул папе бензопилу в ярко-оранжевом пластмассовом футляре. – Я ее недавно наточил.

К ним подошли двое юношей лет двадцати и женщина, а с ними две чумазые девчонки лет семи-восьми.

– Это вот Донна, моя жена, близнецы Дэррил и Дейв. Наши дочки, Агнес и Марти.

Народу во дворе собралось немного, но держались все приветливо и дружелюбно. Все, кто пришел познакомиться с Олбрайтами, обязательно что-нибудь им дарили: ножовку, моток проволоки, листы пластика, рулоны изолянта, блестящий серебристый нож, который назывался «улу», с лезвием в форме веера.

Ровесников Лени не было. Единственный подросток, шестнадцатилетний Аксель, на Лени едва взглянул. Стоял в сторонке, метал ножи в дерево. У Акселя были длинные грязные черные волосы и миндалевидные глаза.

– Вам надо поскорее обустроить огород, – сказала Тельма, когда мужчины отошли к бочкам, в которых горел огонь, и принялись по очереди прикладываться к бутылке. – Климат здесь капризный. Бывает так, что в июне еще весна, в июле лето, в августе осень, а все остальное – зима.

Тельма отвела Кору и Лени на большой огород. От животных грядки защищала ограда из обвисших рыбацких сетей, привязанных к железным прутьям.

Овощи еще не созрели, кое-где из черных земляных холмиков торчали еле заметные пучки зелени. У самых сетей, вперемешку с кучками тухлой рыбы, яичной скорлупы и кофейной гущи, валялись комки какой-то дряни, похожей на водоросли.

– Вы умеете выращивать овощи? – спросила Тельма.

– Ну, спелую дыню от неспелой отличить сумею, – ответила мама.

– Ничего, я вас научу. Лето здесь короткое, так что сидеть сложа руки некогда. – Тельма взяла стоявшее на земле помятое железное ведро. – У меня осталась картошка и лук, я вам дам. Вы еще успеете их посадить. И еще я вам дам морковной рассады. И цыплят.

– Ну что вы, не стоит...

– Поверьте, Кора, вы понятия не имеете, какая долгая тут зима и как быстро она наступит. Мужчинам-то ладно, многие уедут работать на новый нефтепровод. А мы с вами, матери, останемся дома, и нам надо позаботиться о том, чтобы дети были живы и здоровы. Это не так-то просто, но вместе мы справимся. Мы всегда и во всем друг другу помогаем. Выручаем друг друга. Завтра я научу вас коптить лосося. Пора уже делать припасы на зиму, набивать погребок.

– Вы меня пугаете, – ответила мама.

Тельма коснулась ее руки:

– Мы сюда приехали из Канзас-Сити. Мама только и делала, что плакала. На вторую зиму ее не стало. Думаю, она сама себя уморила. Не вынесла холода и темноты. Женщина в этих краях должна быть закаленной, как железо. Нам тут рассчитывать не на кого – кроме нас, детей никто не спасет. Без воли к жизни здесь никуда. А еще нужно быстро всему учиться. На Аляске ошибаются один раз. Только один. Потому что второй станет последним.

– Как-то мы ко всему этому не готовы, – призналась мама. – Наверно, зря мы сюда приехали.

– Ничего, я вам помогу, – успокоила ее Тельма. – Мы все вам поможем.

Пять

Бесконечный световой день перевел внутренние часы Лени, и ей казалось, что она не поспевает за Вселенной, словно само время, единственное, что до сих пор не подводило, на Аляске текло иначе. Она ложилась засветло и просыпалась тоже засветло.

Наступило утро понедельника.

Лени стояла у окна гостиной, стараясь разглядеть в натертом до блеска стекле собственное отражение. Без толку. Слишком ярко.

Она видела лишь свой призрак, но знала, что выглядит не ахти, даже для Аляски.

Во-первых, как всегда, волосы. Длинные, непослушные, рыжие. Кожа молочно-белая, как у всех рыжих, вдобавок на носу россыпь веснушек, похожих на красные перчинки. Глаза, правда, красивые, цвета морской волны, – жаль, шоколадные ресницы подкачали.

Сзади подошла мама и положила Лени руки на плечи.

– Ты у меня красавица и в этой новой школе наверняка с кем-нибудь подружишься.

Лени хотелось верить привычным маминым утешениям, но разве же это правда? Сколько она уже сменила школ, и нигде толком не вписалась. С первого же дня всегда что-то было не так – ее волосы, одежда, обувь. Уж где-где, а в средней школе всегда встречают по одежке. Лени в этом убедилась на собственном горьком опыте. Тринадцатилетние девчонки – самые суровые критики моды, они не прощают ошибок.

– Да я там, наверно, буду единственной девчонкой на всю школу, – Лени тяжело вздохнула. Что проку надеяться на лучшее, разбитые надежды ранят слишком больно.

– Ты там будешь первая красавица. – Кора с нежностью заправила ей волосы за ухо, и Лени почувствовала: что бы ни случилось, у нее всегда есть мама. Она не одна.

Дверь домика распахнулась, и повеяло холодом. Вошел папа с парой дохлых уток. Сломанные шеи их бессильно свисали, клювы били папу по ноге. Папа поставил ружье на стойку у двери и положил добычу на деревянный стол возле умывальника.

– Мы с Тедом до рассвета ходили в его засаду. Так что сегодня у нас на ужин утка. – Папа шагнул к маме и чмокнул ее в шею.

Мама отпихнула его и рассмеялась:

– Кофе хочешь?

Кора отошла к кухонному закутку, и папа повернулся к Лени:

– Ты чего такая грустная, в школу не хочешь?

– Нормальная.

– Да ладно, знаю я, в чем дело, – не поверил папа.

– Вряд ли, – мрачно возразила Лени. На душе у нее было тяжело.

– Дай-ка угадаю. – Папа театрально нахмурился и скрылся в спальне. Вскоре вернулся с черным мусорным пакетом и поставил его на стол. – Может, это поднимет тебе настроение.

Ну да. Только мусора ей сейчас не хватало.

– А ты открой, – сказал папа. Лени неохотно разорвала пакет.

Внутри лежали черные расклешенные джинсы в ржавую полоску и пушистый бежевый свитер, который выглядел так, словно вязали его на здорового мужика, но от стирок свитер сел.

О господи.

Лени, конечно, модницей не назовешь, но это же мальчишечьи джинсы, а уж свитер... да такие сто лет никто не носит!

Лени и мама переглянулись. Обе прекрасно понимали, что папа очень старался. И облажался. Надень она такое в Сиэтле – проще застрелиться.

– Лени? – У папы огорченно вытянулось лицо.

Лени выдавила улыбку:

– Очень красиво, пап, спасибо.

Папа вздохнул:

– Вот и хорошо. Я все корзины перерыл, пока нашел.

Армия спасения. Так он, значит, заранее все придумал, еще когда они были в Хомере.

Теперь эти уродливые вещи казались Лени почти красивыми.

– Примерь, – попросил папа.

Лени ушла в спальню родителей и переделалась.

Свитер был откровенно мал, а шерсть такая плотная, что руку не согнешь.

– Шикарно выглядишь, – сказала мама.

Лени попыталась улыбнуться.

Мама шагнула к ней и протянула железную коробку для завтраков. На ней был нарисован Винни-Пух.

– Тельма подумала, тебе понравится.

Вот теперь ее в школе точно засмеют, и ничего тут не поделать.

– Ну что, пап, поехали, – сказала Лени. – Не хочу опаздывать.

Мама крепко ее обняла и прошептала:

– Удачи.

Лени уселась на пассажирское сиденье «фольксвагена», и они покатали по ухабистой дороге, свернули к городку, выехали на главную дорогу, грохоча, миновали поле, которое считалось аэродромом. У моста Лени крикнула:

– Стой!

Папа врезал по тормозам и обернулся к ней:

– Что?

– Можно я отсюда сама дойду?

Папа бросил на Лени обиженный взгляд:

– Но почему?

Лени слишком волновалась, чтобы еще и отца успокаивать. Везде, где ей довелось учиться, обычаи были одни и те же: с родителями на школьный двор лучше не соваться. Они как пить дать заставят тебя краснеть.

– Мне уже тринадцать лет, тем более мы на Аляске, а здесь нужно быть самостоятельной, – ответила Лени. – Пап, ну *пожа-а-алуйста*.

– Ладно, как хочешь.

Лени вылезла из автобуса и пошла одна по городу, мимо мужчины, сидевшего скрестив ноги на обочине с гусыней на коленях. Лени услышала, как мужчина произнес: «Нет, Матильда, даже не вздумай», и прибавила шагу. Миновала грязную палатку, в которой размещалась контора проката рыбацких лодок.

Школа, состоявшая из одной-единственной комнаты, располагалась на поросшем сорняками пустыре за городом. Позади тянулись желто-зеленые болота, в высокой траве змеился ручей. Скаты крутой железной крыши доходили почти до земли.

Лени остановилась в дверях и заглянула внутрь. Комната оказалась просторнее, чем можно было предположить снаружи, минимум четырнадцать на четырнадцать футов.¹⁸ На дальней стене висела доска, на которой прописными буквами было написано: ОШИБКА СЬЮ-АРДА.¹⁹

За большим столом лицом к двери стояла эскимоска – крупная, широкоплечая, с большими сильными руками. Бронзовое лицо обрамляли две длинные черные косицы. Между ниж-

¹⁸ 4,27 на 4,27 м.

¹⁹ Речь о продаже Аляски. От США договор заключал государственный секретарь Уильям Сьюард, и критики вменяют ему в вину, что приобретение в дальнейшем не окупилось и в целом было бесполезным.

ней губой и подбородком чернела татуировка. Одета она была в линялые джинсы, заправленные в резиновые сапоги, мужскую фланелевую рубашку и замшевый жилет с бахромой.

Завидев Лени, женщина воскликнула:

– Привет! Добро пожаловать!

Дети повернулись, скрипнув партами.

Всего в классе было шестеро учеников. На первом ряду сидели две девочки помладше. Лени узнала их: Агнес и Марти, внучки Чокнутого Эрла. Узнала она и насупленного парнишку, Акселя. За сдвинутыми партами хихикали две девчущки-эскимоски лет восьми-девяти, на голове у каждой красовался увядший венчик из одуванчиков. В правой части класса лицом к доске стояли две сдвинутые парты. Одна пустовала, за второй сидел тощий мальчишка с белокурыми волосами до плеч. Он был единственным, кого заинтересовала новая ученица. Парень обернулся к Лени и внимательно ее рассматривал.

– Меня зовут Тика Роудс, – представилась учительница. – Мы с мужем живем в Беар-Коуве, так что зимой мне порой сюда не добраться, но я стараюсь как могу. И от учеников жду того же. – Она улыбнулась. – А ты Ленора Олбрайт. Тельма предупредила, что ты придешь.

– Лени.

Миссис Роудс оглядела Лени:

– Тебе сколько, одиннадцать?

– Тринадцать, – ответила девочка, чувствуя, как вспыхнули щеки. Ну когда же у нее наконец вырастет грудь?

Миссис Роудс кивнула:

– Вот и отлично. Мэтью тоже тринадцать. Садись вон туда. – Она указала на парту рядом с белокурым мальчишкой. – Давай.

Лени с такой силой вцепилась в дурацкую коробку с Винни-Пухом, что побелели пальцы.

– П-привет, – пробормотала она, проходя мимо Акселя.

Тот бросил на нее безразличный взгляд и продолжил рисовать на желтой обложке тетради нечто похожее на инопланетянина с огромными сиськами.

Лени неловко плюхнулась на стул рядом с тринадцатилетним парнишкой, покосилась на соседа и буркнула:

– Привет.

Он широко улыбнулся, показав кривые зубы.

– Ну слава богу, – парень откинул волосы с лица, – а то я боялся, что придется до конца года сидеть с Акселем. По нему же тюрьма плачет.

Лени не удержалась и хихикнула.

– Ты откуда? – спросил он.

Лени растерялась. Она никогда не знала, как отвечать на этот вопрос, поскольку он подразумевал некое незыблемое прошлое, которого в ее жизни не существовало. Не было такого места, которое она считала бы домом.

– Последняя моя школа была в Сиэтле.

– Тебе, наверно, сейчас кажется, будто ты провалилась в Мордор.

– Ты читал «Властелина колец»?

– Ага. Полный отстой, я знаю. Но это Аляска. Зимой тут темно как в жопе, а телевизора у нас нет. А я, в отличие от отца, не могу часами слушать по местному радио стариковскую болтовню.

В душе Лени шевельнулось незнакомое чувство, которого она еще не понимала.

– А я люблю Толкина, – тихо призналась она, и ее охватило странное облегчение: надо же, оказывается, как приятно говорить начистоту. В прошлой ее школе большинство любило кино и музыку, а не книги. – И Герберта.²⁰

– «Дюна» клевая. «Страх убивает разум». Лучше не скажешь.

– И еще «Чужак в чужой стране».²¹ Примерно так я себя и чувствую.

– Еще бы. Тут, на Последнем рубеже, всё не как у людей. В соседнем городе, к северу от нас, мэром выбрали собаку.

– Да ладно!

– Я тебе клянусь. Маламута. Большинством голосов. – Мэтью прижал руку к сердцу. – Такое и захочешь – не придумает.

– Я как сюда шла, видела человека, который разговаривал с гусем.

– Это Полоумный Пит с Матильдой. Они муж и жена.

Лени расхохоталась во все горло.

– Какой у тебя странный смех.

Лени почувствовала, как щеки вспыхнули от смущения. Прежде ей такого не говорили. Неужели это правда? Интересно, как же она смеется? О господи.

– Ой, прости. Сам не знаю, почему я так сказал. Вечно я что-нибудь лягну. Я сто лет с ровесницами не общался. Честное слово. Ты красивая. Правда. Я несу чушь, да? Ты, наверно, сейчас от меня с визгом сбежишь за парту к Акселю – мол, уж лучше сидеть с этим будущим убийцей, чем с тобой. Ладно, все, затыкаюсь.

После «ты красивая» Лени не слышала ни слова.

Она старалась убедить себя, что это ничего не значит. Но когда Мэтью взглянул на нее, Лени охватила надежда. «А мы ведь можем подружиться», – подумала она. В смысле, не просто ездить вместе на автобусе или сидеть за одним столом в столовке, а по-настоящему.

Стать друзьями.

Такими, у которых есть общие интересы. Как Сэм и Фродо, Энн и Диана,²² Понибой и Джонни.²³ Лени на мгновение закрыла глаза и замечталась. Они могли бы вместе смеяться, болтать...

– Лени! – окликнул он. – Лени!

Ой. Он дважды позвал ее по имени.

– Да ладно. Я сам такой. Вечно зависаю. Мама говорит, я живу в мире собственных фантазий с выдуманными людьми. А сама с Рождества никак «Еще одно развлечение у дороги»²⁴ дочитать не может.

– Ну да, – призналась Лени. – Я иногда... туплю.

Мэтью пожал плечами – мол, подумаешь, что тут такого.

– Кстати, ты в курсе, что завтра вечером будет барбекю?

* * *

«Ну так чего, придешь?»

Лени снова и снова прокручивала в голове вопрос, дожидаясь, пока отец ее заберет. Конечно, ей хотелось прийти. Больше всего на свете.

²⁰ Франклин Патрик Герберт-младший (1920–1986) – американский писатель-фантаст, автор цикла «Хроники Дюны».

²¹ «Чужак в чужой стране» – фантастический роман Роберта Хайнлайна.

²² Героини романа «Энн из Зеленых крыш» канадской писательницы Люси Монтгомери.

²³ Герои романа «Изгой» американской писательницы С. Е. Хинтон.

²⁴ «Еще одно развлечение у дороги» (*Another Roadside Attraction*) – юмористический роман американского писателя Тома Роббинса.

Но родители не любили такие сборища. Да и вообще с соседями не общались, если уж на то пошло. В семействе Олбрайт это не принято. В старом их квартале соседи то и дело устраивали что-нибудь – те же барбекю, на которых отцы семейств в свитерах с V-образными вырезами пили скотч и жарили бургеры, женщины курили сигареты, попивали мартини, приносили подносы с куриными потрошками, обернутыми жареным беконом, а дети с воплями носились по двору. Лени знала об этом, поскольку как-то раз подглядывала за соседями через забор и видела все эти обручи, водные горки и брызгалки.

– Ну что, Рыжик, как в школе? – спросил папа, когда Лени после уроков залезла в «фольксваген» и захлопнула дверь. Он приехал за ней последним из всех родителей.

– Мы узнали, как Россия продала нам Аляску. И про гору Алиеску на Чугаче.²⁵

Отец что-то одобрительно пробормотал и включил первую передачу.

А Лени думала, как сказать о том, чего ей хотелось. «В моем классе есть парень моего возраста. Он наш сосед».

Ой нет, о парне лучше даже не заикаться.

«Наши соседи устраивают барбекю и приглашают нас».

Но папа подобные сборища на дух не переносит. По крайней мере, там, где они жили раньше, он их терпеть не мог.

Они с грохотом прокатили по грязной дороге, вздымая клубы пыли, и свернули в густую зеленую тень, на дорожку к дому. Во дворе толпился народ – похоже, здесь собрался едва ли не весь клан Харланов. Соседи работали молча, дружно, то сходясь, то расходясь, точно в танце. Клайд распиливал бревна на доски той штукой, похожей на клетку, Тед доделывал запасник – прибавлял доски к боковым опорам, Донна укладывала поленницу.

– Наши друзья приехали в полдень, чтобы помочь нам подготовиться к зиме, – сказал папа. – Нет. Они больше чем просто друзья, Рыжик. Они наши товарищи.

Товарищи?

Лени нахмурилась. Папа что, в коммунисты подался? Он же их вроде ненавидит, как хищники и власти.

– Вот так и надо жить, Рыжик. Люди должны помогать друг другу, а не убивать чужих матерей за кусок хлеба.

Лени бросилось в глаза, что почти у каждого в кобуре на поясе висел пистолет.

Папа открыл дверь автобуса.

– На выходных мы все поедем в Стерлинг, будем ловить лосося в «Лачуге фермера» на Кенае. Говорят, чавычу фиг поймаете. – Отец ступил на топкую землю.

Чокнутый Эрл помахал отцу, и тот кинулся к нему.

Лени прошла мимо новой клетушки размером футов девять в высоту и четыре в ширину, со стенами из черного полиэтилена (наверняка пакеты для мусора). Сквозь открытую дверь было видно, что внутри полным-полно рыбин, которых разрезали вдоль хребта и подвесили на сложенных шалашиком ветках. Тельма, стоя на коленях у железного ящика, подкладывала дрова в огонь. Клубы черного дыма поднимались к висевшему над ящиком лосося.

Мама чистила лосося на столе во дворе. Подбородок ее был перепачкан розовыми рыбьими потрохами.

– Это копильня, – мама кивнула на Тельму, – Тельма учит меня коптить рыбу. Оказывается, это целое искусство. Если огонь слишком сильный, рыба изжарится, а она должна сушиться и коптиться. Вкуснятина. Как прошел первый школьный день?

Волосы мама убрала под красный платок.

– Классно.

– Не засмеяли тебя из-за одежды и коробки с Винни-Пухом? Девочки тебя не обижали?

²⁵ Чугачские горы, или Чугач, – горный массив на Аляске.

Лени невольно улыбнулась:

– Там вообще нет девочек моего возраста. Зато есть мальчик...

– Мальчик? – с любопытством спросила мама.

Лени зарделась.

– Ну, мам. Он мой друг. Просто мальчик.

– Угу, ясно. – Мама закурила, пряча улыбку. – Красивый?

Лени пропустила ее вопрос мимо ушей.

– Кстати, он сказал, что завтра вечером будет барбекю. Я хочу пойти.

– А мы и поедем.

– Правда? Вот здорово!

– Ну да, – улыбнулась мама. – Я же тебе говорила, тут все будет по-другому.

Лени никак не могла решить, что надеть на барбекю. Она совершенно растерялась и не понимала, что с ней происходит.

Одежды у нее было немного, выбирать особо не из чего, но она все равно перемерила несколько вариантов. В конце концов (в основном потому, что отчаялась выглядеть красиво, – куда уж ей, с такой-то внешностью) остановилась на клетчатых синтетических брюках-клеш, зеленой водолазке в рубчик и жилетке из искусственной замши с бахромой. Волосы, как ни билась, красиво уложить не удалось, так что в итоге просто убрала их с лица и заплела косу толщиной с кулак.

На кухне мама складывала в пластиковый контейнер крупные ломти кукурузного хлеба. Она расчесала стриженные лесенкой волосы до плеч, и те блестели на свету. Мама принарядилась: тугие джинсы клеш, обтягивающий белый свитер и массивное бирюзовое индейское ожерелье с бусинами в виде цветков тыквы, купленное несколько лет назад в индейской резервации. Ей явно хотелось произвести впечатление.

Мама рассеянно закрыла крышку судка, и из него вышел воздух со звуком, похожим на отрыжку.

– Боишься, да?

– С чего ты взяла? – бегло улыбнулась мама, но глаза ее оставались серьезными. Она накрутила волосы, чего давно не делала, и выглядела ярко и красиво.

– Помнишь, что было на ярмарке?

– Это другое дело. Тот парень хотел его обмануть.

Но Лени-то помнила, как было на самом деле. Они прекрасно проводили время на ярмарке штата, пока папа не надулся пива. Потом какой-то парень принялся заигрывать с мамой (а она с ним), и папа озверел. Толкнул парня, так что тот едва не разбил себе башку об опору пивной палатки, и заорал на всю ярмарку. Явилась охрана, но папа разбушевался не на шутку, и пришлось вызвать полицию. Лени с ужасом заметила, что за дракой наблюдали двое ее одноклассников. Они видели, как папу волокли в патрульную машину.

Дверь домика открылась, и вошел отец.

– Ну что, красавицы, готовы веселиться?

– А то, – тут же ответила мама и улыбнулась.

– Тогда поехали.

Они забрались в автобус и отправились в гости. Через считанные минуты – по прямой бы и четверти мили не набралось – подъехали к железным воротам с белесым коровьим черепом. Ворота были гостеприимно распахнуты.

Подворье Уокеров. Их ближайших соседей.

Папа медленно въехал в ворота. Подъездная дорожка (две ленты примятой травы, которые вились вверх-вниз по заросшему лишайником участку) лениво змеилась меж тоненьких черных еловых стволов. Сквозь прогалину слева Лени увидела вдалеке голубое пятно, однако вид открылся, лишь когда они выбрались на поляну.

– Ого, – сказала мама.

Они очутились на плоском утесе над тихой голубой бухтой. На огромном, заросшем травой пространстве вырубали все деревья, кроме нескольких самых красивых.

На холме над утесом, точно корона, возвышался двухэтажный бревенчатый дом. Треугольный фасад украшали огромные трапециевидные окна. Дом опоясывала веранда, выдаваясь вперед, точно нос гигантского корабля, выброшенного бурей на берег и навеки обреченного гнить на суше, глядя на родную стихию. На веранде стояли разрозненные стулья, обращенные к открывавшемуся с утеса великолепному виду. По другую сторону дома виднелись загоны, там обитали коровы, козы, куры и утки. В доходившей до колена траве там и сям валялись мотки колючей проволоки, деревянные поддоны и клетки, тут же стоял сломанный трактор, лежал ржавый экскаваторный ковш, торчали корпуса машин – одни вышли из строя, другие дышали на ладан. Неподалеку от маленькой деревянной постройки, над которой клубился дым, сгрудились ульи. Чуть в стороне Лени заметила остроконечную крышу уборной.

У подножия утеса уходил в море серый причал. В конце его на потрепанной арке виднелась надпись: БУХТА УОКЕРОВ. К причалу были привязаны гидросамолет и две блестящие серебристые рыбацкие лодки.

– Гидросамолет... – протянул папа. – Ишь ты, богачи. Они вылезли из автобуса и прошли по высокой траве мимо ярко-желтого трактора с черным ковшом и блестящего красного вездехода. С утеса Лени увидела, что на берегу вокруг огромного костра собрались люди – человек десять, если не больше. Пламя тянулось в лиловое небо, искрило, трещало, точно кто-то щелкал пальцами.

Лени вслед за родителями спустилась на берег. Отсюда ей было видно всех собравшихся. На бревне сидел широкоплечий мужчина с длинными светлыми волосами и играл на гитаре. Марджи-шире-баржи приспособила под барабаны-бонги два перевернутых пластмассовых ведра, а учительница, миссис Роудс, наяривала на скрипке. Натали изо всех сил дула в губную гармошку, а Тельма пела «Короля дорог».²⁶ Строчку «Я богач среди бедняков» подхватили все.

Клайд и Тед занимались жаровней, которая выглядела так, будто ее смастерили из старых бочек из-под мазута. Неподалеку Чокнутый Эрл отхлебывал что-то из глиняного кувшина. Две младшие девочки из школы, Марти и Агнес, согнувшись, собирали у воды ракушки вместе с Малышкой.

Мама спустилась на пляж. В руках у нее был судок с кукурузным хлебом. Следом шел папа с бутылкой виски.

Высокий широкоплечий мужчина отложил гитару и встал. Одет он был, как большинство здешних мужчин, во фланелевую рубашку, линялые джинсы и резиновые сапоги, но все равно выделялся. Казалось, он создан для этой суровой земли: может целый день бежать без остановки, срубить любое дерево и играючи перебраться по бревну через бурную реку. Даже Лени он показался красивым – для такого-то старика.

– Том Уокер, – представился мужчина. – Рад вас видеть.

– Эрнт Олбрайт.

Том пожал папе руку.

– А это Кора, моя жена.

Мама улыбнулась Тому, пожала ему руку и оглянулась:

– А это наша дочь, Лени. Ей тринадцать.

– Привет, Лени, – сказал Том. – Мой сын Мэтью говорил о тебе.

– Ой, правда? – обрадовалась Лени. (*Ну чего ты лыбишься как дура.*)

К Тому подошла Женева Уокер.

²⁶ «Король дорог» (*King of the Road*) – песня американского кантри-певца Роджера Миллера (1936–1992).

– Привет, Кора. Вижу, с мужем моим вы уже познакомились.

– Бывшим. – Том Уокер обнял Женеву. – Я на нее не надышусь, но жить с ней не могу.

– И без меня тоже, – усмехнулась Женева. – А мой нынешний вон там. Кэлхун Мэлви. Он меня любит куда меньше, чем Том, зато мы отлично ладим. И еще он не храпит. – Она игриво ткнула мистера Уокера в бок локтем.

– Я слышал, вы не очень-то подготовлены к здешней жизни, – сказал мистер Уокер папе. – Вам придется быстро всему научиться. Не стесняйтесь просить о помощи. Я всегда рад. Если вам что-нибудь понадобится, только скажите.

Папа поблагодарил, и Лени насторожилась. В папином голосе прозвучало раздражение, словно его оскорбили. Мама тоже это заметила и бросила на мужа встревоженный взгляд.

Пошатываясь, подошел Чокнутый Эрл в футболке с надписью «Я так долго рыбачил, что совсем зарыбался». Пьяно ухмыльнулся и, покачиваясь из стороны в сторону, пробормотал:

– Что, Большой Том, помощь Эрнту предлагаешь? Ну надо же, как благородно. Ни дать ни взять король Иоанн²⁷ снизошел до бедных своих рабов. Пусть тебе помогает твой дружок губернатор.

– Господи, Эрл, ну сколько можно, – покачала головой Женева. – Пошли лучше споем что-нибудь. Эрнт, вы умеете на чем-нибудь играть?

– На гитаре, – ответил папа. – Но я продал...

– Вот и отлично! – перебила Женева, схватила папу за руку и потащила прочь от Чокнутого Эрла, к Марджи-шире-баржи и собравшемуся на берегу импровизированному ансамблю.

Женева протянула папе гитару, на которой прежде играл мистер Уокер. Чокнутый Эрл, спотыкаясь, отошел к костру и снова взялся за глиняный кувшин.

Интересно, думала Лени, знает ли мама, как она привлекательна, когда вот так стоит на берегу в обтягивающих джинсах и ее светлые волосы треплет легкий ветерок? Она была совершенна, как точно пропетая нота, и красива, как орхидея, какой-то нездешней красотой.

Ага. Все она прекрасно понимала. И мистер Уокер тоже понимал.

– Что будете пить? – спросил он маму. – Может, пива?

– Пива? С удовольствием, Том, спасибо, – ответила мама, и мистер Уокер повел ее к столу с едой и ведерку, в котором охлаждали банки с пивом «Рейнир».

Рядом с мистером Уокером мама не шла, а плыла, покачивая бедрами под музыку. Она легонько дотронулась до руки Тома, он посмотрел на нее и улыбнулся.

– Лени!

Она услышала, как ее окликнули по имени, и обернулась.

Мэтью махал ей с утеса.

Лени поднялась к нему; Мэтью дождался ее с двумя банками пива в руках.

– Пробовала когда-нибудь пиво? – спросил он.

Лени покачала головой.

– Вот и я нет. Пошли. – Он двинулся налево, в заросли, по осклизлой извилистой тропинке, которая вела вниз, мимо валунов.

Мэтью вывел Лени на заросшую лишайником полянку. Сквозь прогалину в черных елях было видно, как взрослые веселятся на берегу. До них было от силы футов пятнадцать, но казалось, что это другая планета. Взрослые хохотали, болтали, играли и пели. Малышня искала в гальке ракушки. Аксель в сторонке метал нож в гнилое бревно.

Мэтью уселся, вытянул ноги и откинулся на бревно. Лени опустила рядом с ним, но так, чтобы не касаться Мэтью.

²⁷ Имеется в виду английский король Иоанн Безземельный (годы правления – 1199–1216), подписавший Великую хартию вольностей.

Он с треском открыл пиво и протянул Лени. Она сморщила нос, отхлебнула глоток. Пиво щипало горло. Омерзительный вкус.

– Гадость, – скривился Мэтью, и Лени засмеялась. Еще три глотка – и она тоже откинулась на бревно. С берега долетал прохладный ветерок, принося с собой соленый запах моря и дразнящий аромат жареного мяса. Взрослые толклись и гомонили совсем рядом, за деревьями.

Мэтью и Лени спокойно молчали, и Лени это удивляло. Обычно рядом с теми, с кем хотела подружиться, она ужасно нервничала.

Веселье на берегу было в самом разгаре. Взрослые передавали друг другу стеклянную банку. Мама танцевала, покачивая бедрами и потряхивая волосами. Она походила на лесную фею и точно светилась изнутри, танцуя для дюжего лесного народца, отупевшего от выпивки.

От пива Лени поплыла, ее охватила такая легкость, будто в животе пузырился воздух.

– Почему вы решили сюда переехать? – поинтересовался Мэтью и, не успела Лени рта раскрыть, швырнул банку в валун, так что та расплющилась.

Лени не удержалась от смеха. Мальчишки есть мальчишки.

– Папа... любит приключения, – наконец пояснила она. (Правду говорить ни в коем случае нельзя, никто не должен знать, что папа не задерживается ни на одной работе, что ему не сидится на одном месте, и уж точно – что он слишком много пьет и орет.) – Ну вот ему и надоело в Сиэтле. А вы? Когда вы сюда переехали?

– Мой дед, Эхарт Уокер, перебрался на Аляску во времена Великой депрессии. Сказал, не хочет стоять в очереди за жидкой похлебкой, упаковал вещички и автостопом двинул в Сиэтл. А оттуда уже на север. Говорят, он прошел Аляску пешком от края до края и даже залез на гору Алиеску с лестницей на горбу, чтобы перебираться через трещины в ледниках. С бабкой Лили они познакомились в Номе. Она работала в прачечной и закуской. Они поженились и решили жить здесь.

– Значит, в этом доме жили твои дед с бабкой и выросли вы с отцом?

– Не, ну как. Большой-то дом построили гораздо позже, но да, мы все выросли здесь. Мамина семья из Фэрбанкса. Сестра там сейчас учится в колледже и живет с ними. Родители мои разошлись несколько лет назад, мама выстроила себе на участке дом и переехала туда с новым своим парнем, Кэлом. Тот еще говнюк. – Мэтью усмехнулся. – Но мы все равно работаем вместе. Зимой они с папой играют в шахматы. Что поделаеть, это Аляска.

– Ух ты. Я и представить себе не могу, каково это – прожить всю жизнь на одном месте. – Лени поймала себя на том, что завидует Мэтью, и ее это смутило. Она запрокинула голову и допила последние капли пены из своей банки.

Импровизированный ансамбль разошелся вовсю: музыканты барабанили в ведра, брэнчали на гитаре, играли на скрипке.

Тельма, мама и миссис Роудс покачивали бедрами под музыку и распевали во все горло: «Роки-Маунтин, штат Колорадо...»²⁸

Клайд крикнул от жаровни:

– Бургеры с лосятиной готовы! Кому сыра?

– Пошли, – сказал Мэтью. – Жрать хочу, умираю. – Взял Лени за руку (такой естественный жест) и повел ее сквозь заросли на берег. Они подошли сзади к папе с Чокнутым Эрлом, которые пили и болтали, и услышали, как Эрл ударил своей стеклянной банкой о папину, так что та гулко звякнула.

– Этот Том Уокер воображает, будто его говно малиной пахнет, – сказал папа.

– Когда ВНМТ, сам ко мне приползет, потому что я подготовился, – пробормотал Чокнутый Эрл.

Лени от испуга застыла на месте и посмотрела на Мэтью. Он тоже все слышал.

²⁸ Песня американского фолк-рок-певца Джона Денвера (1943–1997).

– Сынок богатых родителей, – процедил папа. Язык у него заплетался. – Вроде вы говорили, да?

Чокнутый Эрл кивнул, пошатнулся и навалился на папу. Они держали друг друга.

– Ишь, возомнил о себе.

Лени отодвинулась от Мэтью, съезжившись от стыда. Ей казалось, что она одна-одинешенька.

– Лени?

– Мне жаль, что ты это слышал, – ответила она.

Мало того, что папа бормотал ругательства, так еще и мама стояла рядышком с мистером Уокером и так ему улыбалась, словно сознательно нарывалась на неприятности.

Все как всегда. А ведь на Аляске все должно было быть иначе.

– Чего ты? – удивился Мэтью.

Лени покачала головой. Ее охватила привычная печаль. Она никогда не смогла бы ему объяснить, каково это – жить с отцом, который тебя пугает, и мамой, которая так сильно его любит, что вечно провоцирует на опасные доказательства любви. Например, флиртует с другими.

Лени ни с кем не делилась этими тайнами. Они лежали грузом на душе.

Все это время, все эти годы она мечтала найти настоящего друга, такого, которому можно доверить любые секреты. Как же она раньше не догадалась?

У нее никогда не будет такого друга, потому что она сама не сможет быть таким другом.

– Извини, – пробормотала Лени. – Все в порядке. Пошли поедим. Жрать хочу, умираю.

Шесть

Дома после вечеринки родители Лени набросились друг на друга, как возбужденные подростки. Они врезались в стены, тяжело дышали, прижимались друг к другу всем телом. Музыка и алкоголь (ну и, пожалуй, внимание Тома Уокера) сделали свое дело, и теперь они бешено хотели друг друга.

Лени поспешно вскарабкалась на чердак, спрятала голову под подушку и принялась мурлыкать себе под нос «Скорей улыбнись».²⁹ Когда в домике снова все стихло, Лени подползла к стопке книг, купленных в Армии спасения. Внимание ее привлек сборник стихов какого-то Роберта Сервиса.³⁰ Она улеглась с книгой и открыла ее на стихотворении «Кремация Сэма Макги». Фонарь Лени не включала, потому что на улице *до сих пор* было светло, несмотря на поздний час.

Под солнцем полночным дела творят,
Кто до здешних богатств охоч;
Полярные тропы тайны хранят,
От которых стынет кровь.

Лени погрузилась в прекрасный, суровый мир стихотворения. Он так ее очаровал, что она стала читать дальше – про Опасного Дэна Макгру и леди по имени Лу³¹ и про чары Юкона.

Это Юкон, таков здесь закон,
Он ясен, как день, и крут:
Глупец и слабак не сдюжит никак,
Лишь сильный выживет тут.³²

С каждым словом ей открывались все новые и новые стороны странного штата, куда они перебрались, но выбросить Мэтью из головы никак не получалось. Лени не могла забыть, как ей было стыдно, когда Мэтью на вечеринке услышал гадость, которую ляпнул отец.

Захочет ли он теперь с ней дружить?

Ни о чем другом она думать не могла. От тревоги ей не спалось. Лени готова была поклясться, что глаз не сомкнула, однако утром ее разбудил оклик:

– Вставай, засоня. Поможешь мне, пока мама нам шамовку готовит. До школы еще есть время.

Шамовку? Что за простецкие словечки?

Лени натянула джинсы, большой свитер, спустилась, обулась и вышла во двор. Папа сидел в этой штуке на сваях, похожей на собачью будку. В запаснике. К остову была прислонена лесенка из бревен, вроде той, что вела на чердак. Папа прибавал доски к крыше.

– Поддай-ка мне вон те пенсовые гвозди,³³ Рыжик, – скомандовал он. – Несколько штук.

Лени схватила синюю жестянку из-под кофе, полную гвоздей, и забралась по лестнице к папе. Выудила из банки гвоздь, подала ему.

²⁹ Имеется в виду популярная песня *Get Happy* композитора Гарольда Арлена. Была музыкальной темой сериала «Семейка Партридж».

³⁰ Роберт Уильям Сервис (1874–1958) – британско-канадский поэт и писатель, которого часто называют «бардом Юкона».

³¹ Имеется в виду стихотворение Роберта Уильяма Сервиса «Убийство Дэна Макгру».

³² Строки из стихотворения Роберта Уильяма Сервиса «Закон Юкона».

³³ Маркировка гвоздей в Англии и Америке.

– У тебя руки дрожат.

Он покосился на гвоздь, тот прыгал у него в кулаке. Папа был бледен, как лист пергамента, под глазами темные мешки, как фингалы.

– Я вчера перепил. Не выспался.

Лени встревожилась. Не выспавшись, папа места себе не находил. Правда, до сих пор на Аляске он спал превосходно.

– С перепою вечно такая фигня, Рыжик. Мне, конечно, не следовало нажираться. Ну да что уж теперь. – Папа загнал последний гвоздь в замшевую рабочую перчатку, из которой сделали дверную петлю. (Марджи-шире-баржи посоветовала – на Аляске все мастерали из того, что под рукой.)

Лени спустилась по лестнице и спрыгнула на землю, гвозди загремели в жестянке из-под кофе.

Папа засунул молоток за пояс, приземлился рядом с Лени, взъерошил ей волосы:

– Ну что, мой маленький плотник?

– Я думала, я твой библиотекарь. Или книжный червь.

– Мама говорит, тебе самой решать, кем быть. Что-то там про рыбку и зонтик.

Ага. Лени это уже слышала. Наверно, очередная фразочка Глории Стайнем.³⁴ Поди знай. Мама вечно сыплет цитатами. Для Лени в этом было не больше смысла, чем в том, чтобы сжечь хороший лифчик.³⁵ С другой стороны, то, что в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году взрослая работающая женщина не может получить кредитную карту или открыть в банке счет на свое имя, тоже полный бред.

Миром правят мужчины.

Лени прошла за отцом от запасника к веранде мимо каркаса нового парника и обтянутой мусорными пакетами импровизированной коптильни. По другую сторону дома в новеньком загончике клевали землю цыплята. На мостках, которые вели к курятнику, сидел петух.

Отец зачерпнул воды из бочки, брызнул в лицо, и по щекам его побежали бурые капли. Вернулся на веранду, уселся на нижнюю ступеньку. Выглядел он паршиво. Как после многодневного запоя. (Как в те дни, когда ему снились кошмары и он срывался.)

– А твоей маме, похоже, приглянулся Том Уокер.

Лени насторожилась.

– Нет, ты слышала, как он тыкал нам в нос своим богатством? «Если хотите, Эрнт, я одолжу вам трактор, а может, вас в город подвезти?» Говорил со мной через губу!

– А мне он сказал, что считает тебя героем и что правительство вас предало, – соврала Лени.

– Да? – Папа откинул волосы с лица. На загорелом лбу проступила морщина.

– Мне здесь нравится, – тихо ответила Лени и вдруг поняла, что это правда. За считанные дни она почувствовала себя как дома. В Сиэтле ей никогда не было так хорошо, как на Аляске. – Нам тут хорошо. Я же вижу, как ты счастлив. Только... не пей больше, пожалуйста.

Повисло напряженное молчание: Лени с мамой, не сговариваясь, даже не заикались при папе ни о выпивке, ни о скандалах.

– Может, ты и права... – Папа задумчиво глянул на нее: – Ладно, Рыжик. Поехали в школу.

³⁴ Глория Мари Стайнем (р. 1934) – известная американская феминистка, журналистка, социально-политическая активистка.

³⁵ Лени имеет в виду акцию протеста против конкурса «Мисс Америка» в 1968 году. На самом деле феминистки ничего не сжигали, они всего лишь демонстративно выбросили лифчики в мусорный бак.

* * *

Час спустя Лени стояла перед школой. Перебросила рюкзак через плечо и направилась к двери. Коробочка с завтраком была в правый бок. Плетешься нога за ногу, сказала бы мама. Лени и правда не торопилась на урок.

Когда Лени была у самой двери, та распахнулась и на улицу, болтая и смеясь, высыпала стайка школяров. Посередине шла Женева, мама Мэтью. Она подняла заскорузлые от работы руки и попросила всех замолчать.

– О, Лени, а вот и ты, – приветствовала ее миссис Уокер.

– Ты так припозднилась, я уж думала, не придешь. Тика не смогла выбраться, так что сегодня занятия веду я. Ха! Сама-то я школу окончила с трудом, что уж там скрывать, – она рассмеялась, – и поскольку мальчишки интересовали меня куда больше уроков, мы с вами сегодня отправимся в поход. Ненавижу в такой прекрасный день сидеть в четырех стенах.

Лени шла рядом с миссис Уокер. Та обняла ее за плечи и прижала к себе:

– Я так рада, что ты приехала.

– Я тоже.

– До тебя Мэтью от дезодорантов шарахался как черт от ладана. Теперь хоть одежду менять стал. Сбылись наши мечты – я о тех, кто с ним живет в одном доме.

Лени понятия не имела, что на это отвечать.

Они толпой спустились к пристани, точно слоны из мультика про Маугли. Лени почувствовала, что Мэтью смотрит на нее. Дважды поймала его смущенный взгляд и тут же отвернулась.

Наконец добрались до причала. Вокруг скрипели, покачиваясь на волнах, рыбацкие лодки. Миссис Уокер поделила учеников на пары и сказала, кому в какое каноэ садиться.

– Мэтью, Лени, ваше зеленое. Не забудьте про спасательные жилеты. Мэтью, проследи, чтобы Лени все правильно надела.

Лени сделала, как велели, забралась в каноэ и села на корме, лицом к носу.

Следом залез Мэтью. Каноэ под ним качалось и скрипело.

Мэтью уселся лицом к Лени.

Лени не очень-то разбиралась в том, как плавают на каноэ, но точно знала: Мэтью сел неправильно.

– Ты вроде должен сидеть лицом в другую сторону.

– Мэтью Денали Уокер. Что ты вытворяешь? – Мимо них скользнули на каноэ Женева с Малышкой. – На тебя что, затмение нашло? Помнишь хоть, как меня зовут?

– Мне надо поговорить с Лени. Я быстро. Мы вас догоним.

Миссис Уокер бросила на сына многозначительный взгляд:

– Только недолго. Ты на уроке, а не на первом свидании.

Мэтью застонал.

– Ну мам, ты вечно как скажешь...

– Я тоже тебя люблю, – ответила миссис Уокер, рассмеялась и погребла прочь. – Вперед, – крикнула она остальным, – плывем в Орлиную бухту.

– Что смотришь? – спросила Лени у Мэтью, когда они остались одни.

Мэтью положил весло на колени. Волны глухо плескали о борт каноэ, убегая от пристани.

Лени догадалась: он ждет, что она скажет. Но сказать она могла только одно. Ветер ерошил волосы Лени, выдергивал тугие кудряшки из-под резинки, сдувал рыжие пряди ей на лицо.

– Прости меня за вчерашнее.

– За что простить?

– Да ладно тебе. Не играй в благородство.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Папа вчера напился, – осторожно ответила Лени.

Прежде она никому в этом не признавалась и сейчас чувствовала себя так, словно предала отца. И еще неизвестно, чем это аукнется. Мало, что ли, она смотрела специальных передач по Эй-би-си? У психически неуравновешенных родителей забирают детей. Власти могут разрушить любую семью из-за чего угодно. Лени старалась не болтать лишнего, чтобы никого не обеспокоить и не подвести отца.

Мэтью засмеялся:

– Да они там все были хороши. Подумаешь, тоже мне. В том году Чокнутый Эрл так напился, что нассал в коптильню.

– Папа иногда... напивается... и ругается. На самом деле он вовсе ничего такого не имел в виду. Ты же слышал, что он сказал про твоего отца.

– Да я от кого только это не слышал. Особенно от Чокнутого Эрла. Полоумный Пит тоже папу недолюбливает, а Билли Хорчоу вообще как-то раз пытался его убить. Почему – мы так и не узнали. Это Аляска. Долгие зимы, народ пьет не просыхая и творит такое, что уму непостижимо. Так что я ни капли не обиделся. Да и папа тоже.

– То есть тебе все равно?

– Это Аляска. Тут закон такой: живи сам и дай жить другим. Мне нет никакого дела до того, как твой отец относится к моему. Главное для меня – это ты.

– Правда?

– А то.

Лени охватила небывалая легкость, того и гляди взлетит. Она открыла Мэтью одну из самых страшных, мучительных тайн, и он не отвернулся от нее.

– Ты сумасшедший.

– Еще какой.

– Мэтью Уокер, хорош трепаться, греби уже! – крикнула миссис Уокер.

– Значит, мы друзья? – спросил Мэтью. – Что бы ни случилось?

Лени кивнула:

– Что бы ни случилось.

– Круто. – Мэтью развернулся лицом к носу каноэ и погреб к далекому берегу. – Как доплывем, покажу тебе одну классную штуку, – бросил он через плечо.

– Какую?

– Там на болотах полным-полно лягушачьей икры. Слизкая, липкая – в общем, гадость. Может, мне удастся подговорить Аксея ее съесть. Он же чокнутый.

Лени взяла весло.

Хорошо, что Мэтью не видел, как она расплылась в улыбке.

* * *

Лени вышла из школы, смеясь какой-то шутке Мэтью, и увидела родителей, которые ждали ее. Оба. Мама высунулась из окна автобуса и помахала ей энергично, словно актриса массовой на пробах к телепередаче «Правильная цена».

– Ого. Да тебя как принцессу встречают.

Лени рассмеялась, попрощалась с Мэтью и залезла в автобус.

– Ну что, мой книжный червячок, – проговорил папа, когда они с грохотом катили по грязной дороге из городка, – что ты сегодня полезного узнала?

– Мы ходили в поход на каноэ, плавали в Орлиную бухту, собирали листья для проекта по биологии. Ты знал, что волчьи ягоды есть нельзя, а то сердце остановится? А от болотницы может быть приступ удушья?

– Какая прелесть, – заметила мама. – Тут даже растения опасны.

Папа рассмеялся:

– Вот это я понимаю. Наконец-то вас в школе научили хоть чему-то полезному.

– Еще нам рассказывали о золотой лихорадке на Клондайке. Канадская полиция пропустила за перевал Чилкут только тех, у кого была с собой печь. То есть эту печь им приходилось тащить на своем горбу. Но большинство старателей нанимали индейцев нести вещи.

Папа кивнул:

– Богачи вечно на бедняках ездят. Такова история цивилизации. Это-то и погубит Америку. Алчные проходимцы, которым все мало.

Лени заметила, что папа стал чаще высказываться в таком духе, с тех пор как познакомился с Чокнутым Эрлом.

Папа свернул на дорогу к дому, и автобус с грохотом пополз по ухабам. Во дворе отец ударил по тормозам и заявил:

– Ну что, девочки мои, сегодня будете учиться стрелять. Отец выскочил из автобуса, вытащил из-за курятника тюк почерневшего плесневелого сена и поволок по высокой траве. Мама закурила. Дым встал сизой короной над белокурыми мамиными волосами.

– Наверно, это весело, – уныло предположила она.

– Мы должны научиться стрелять. Тем более что и Марджи-шире-баржи, и Тельма нам об этом говорили.

Мама кивнула.

– Мам, ты заметила, что папа, как бы это сказать... сердится на мистера Уокера?

Мама обернулась, поймала взгляд Лени.

– Да? – равнодушно откликнулась она.

– Ты сама понимаешь, что да. Ну, в общем... ты же знаешь, как он злится, когда ты... это самое. Флиртуешь с кем-то.

Папа грохнул по капоту, мама вздрогнула, ойкнула, выронила сигарету и наклонилась, чтобы подобрать.

Лени знала, что мама все равно ничего не ответит – очередная их семейная причуда. Папа бесился, а мама его подзуживала. Наверно, ей нужны доказательства его любви.

Лени с мамой прошли вслед за папой по холмистому двору, поросшему пучками высокой травы, к тюку сена с мишенью.

Отец достал из кожаного чехла винтовку, прицелился, выстрелил и попал точно в центр мишени, прямиком в голову, которую нарисовал фломастером на листе бумаги. С дерева вспорхнула стайка птиц и с сердитым криком рассыпалась по небу. Их место тут же занял огромный белоголовый орлан с размахом крыльев минимум футов шесть, уселся на верхнюю ветку и, наклонив голову с желтым клювом, уставился на людей внизу.

– Вот чего я от вас жду, – пояснил папа.

Мама выдохнула дым.

– Да, доченька, мы тут надолго.

Папа протянул Лени ружье:

– Ну, Рыжик, давай посмотрим, на что ты способна. Смотри в прицел, только не подноси ружье слишком близко, а как поймаешь мишень, жми на спусковой крючок. Медленно и спокойно. Дыши ровно. Теперь целься. Я скажу, когда стрелять. Осторожно, только не...

Лени подняла винтовку, прицелилась, подумала: «Ух ты, скорее бы рассказать Мэтью» – и нечаянно спустила курок.

Ружье с такой силой отдало в плечо, что едва не сшибло ее с ног. Прицел ударил в глазницу с громким хрустом, словно сломалась кость.

Лени заорала, выронила винтовку, рухнула на колени в грязь и схватилась за глаз. Веко дергалось. Боль была такая, что свело живот, и ее едва не стошнило.

Лени плакала, подвывая. Кто-то опустился рядом с ней и погладил по спине.

– Черт, Рыжик, – сказал папа, – ну чего ты выстрелила, команды же не было. Ничего, сейчас пройдет. Дыши. Обычная ошибка новичка. Все будет хорошо.

– Что с ней? – кричала мама. – Она не ранена?

Папа поднял Лени на ноги.

– Не реви, – велел он. – Это тебе не какая-нибудь репетиция конкурса красоты, на которой учат петь, чтобы получить стипендию. Ты должна меня слушаться. Я ведь пытаюсь спасти тебе жизнь.

– Но...

Боль была нестерпимая. Голова лопалась, по глазам словно били изнутри. Травмированный глаз почти не видел, все двоилось и расплывалось. Однако куда больше Лени терзало то, что отцу совершенно наплевать на ее боль. Лени стало жалко себя. Том Уокер с Мэтью наверняка обращается куда лучше.

– Хватит, Ленора. – Папа встряхнул ее за плечи. – Ты же говорила, тебе нравится на Аляске и ты хочешь здесь освоиться.

– Эрнт, ради бога, она же не солдат, – встряла мама.

Папа развернул Лени лицом к себе.

– Сколько девушек похитили, когда мы жили в Сиэтле?

– М-много. Каждый месяц кто-нибудь пропадал. Иногда даже несколько.

– Что это были за девушки?

– Самые обычные. Подростки.

– А Патти Хёрст украли прямо из квартиры, из-под носа у ее парня, так?

Лени вытерла глаза и кивнула.

– Скажи мне, Ленора, чего тебе больше хочется – выжить или умереть?

Голова у Лени болела так, что мысли путались.

– В-выжить.

– Здесь мы должны быть готовы ко всему. Я хочу, чтобы ты могла себя защитить. – Отец осекся, и Лени догадалась, чего ему стоило скрывать свои чувства. Он ее любил. И хотел, чтобы она сумела за себя постоять. – Вдруг что-то случится, а меня рядом нет? Медведь вломится или волки тебя окружают? Я должен знать, что ты сумеешь защитить себя и маму.

Лени громко всхлипнула и постаралась успокоиться. Он был прав. Надо быть сильной.

– Поняла.

– Вот и умница. А теперь бери ружье, – приказал папа. Лени подобрала забрызганную грязью винтовку. Прицелилась.

– Не подноси прицел так близко. У него же отдача. Держи ружье вот так. – Папа аккуратно поправил винтовку. – Положи палец на спусковой крючок. Осторожно.

Лени замялась: слишком уж страшно было снова получить ружьем в глаз.

– Делай, что говорят, – сказал папа.

Она глубоко вдохнула и скользнула указательным пальцем по холодному стальному изгибу спускового крючка.

Опустила подбородок, отодвинулась от прицела.

Заставила себя сосредоточиться. Шум приboя, карканье ворон, шелест ветра в кронах деревьев – все звуки стихли, их заглушил стук ее сердца.

Лени зажмурила левый глаз.

Мир сжался до размеров прицела. Сперва перед глазами плыло, мишень двоилась.

Сосредоточься.

Она видела лишь тюк сена с белым листом бумаги, очертания головы и плеч. Надо же, до чего четкое изображение. Лени поправила ружье и прицелилась в самую середину головы.

Медленно нажала на спусковой крючок.

Винтовка снова с такой силой отдала в плечо, что Лени пошатнулась, но на этот раз прицел не ударил в глаз.

Пуля угодила в тюк сена. Не в мишень, даже не в лист бумаги, а в сено. И все равно Лени гордилась своей маленькой победой.

– Ну вот, Рыжик, я же знал, что ты сможешь. Еще чуток потренируемся – и станешь снайпером.

Семь

Когда Лени вошла в класс, миссис Роудс писала на доске задание.

– Ого, – сказала учительница. – Похоже, кто-то поднес прицел слишком близко к глазу. Дать тебе аспирин?

– Ошибка новичка, – ответила Лени. Она гордилась синяком, ведь это значило, что она осваивается на Аляске. – Мне уже не больно.

Миссис Роудс кивнула:

– Тогда садись и открой учебник истории.

Лени и Мэтью переглядывались с той самой минуты, как она переступила порог. Мэтью расплылся в улыбке, обнажив кривые зубы.

Лени уселась за парту, та качнулась и лязгнула о стол Мэтью.

– Почти все в первый раз получают в глаз прицелом. У меня фингал держался почти неделю. Болит?

– Болело. Но учиться стрелять здорово, я и не думала...

– Лось! – завопил Аксель, вскочил из-за парты и бросился к окну.

Лени с Мэтью кинулись за ним. Детвора столпилась у окна, глядя на огромного лося с раскидистыми рогами, который бродил по площадке за школой. Сохатый перевернул стол для пикника и принялся объедать кустики, вырывая их с корнем.

Мэтью наклонился к Лени, коснувшись плечом ее плеча:

– Давай отмажемся и сбежим с уроков? Я скажу, что после обеда должен помочь дома.

Лени разволновалась: она никогда еще не прогуливала.

– А я скажу, что у меня голова болит. Только мне надо будет вернуться к трем, а то за мной родители приедут.

– Класс, – ответил Мэтью.

– Ладно, хватит, – сказала миссис Роудс. – Лени, Аксель, Мэтью, откройте страницу 117 учебника истории Аляски...

Остаток уроков Лени с Мэтью нервно поглядывали на часы. Перед самым обеденным перерывом Лени пожаловалась, что у нее болит голова, и попросилась домой.

– Я дойду до универмага и вызову по рации родителей.

– Хорошо, – согласилась миссис Роудс, явно не заподозрив обмана.

Лени выскользнула из класса, закрыла дверь, вышла на улицу, юркнула в кусты и стала ждать.

Полчаса спустя из школы вышел ухмыляющийся Мэтью.

– И что мы будем делать? – спросила Лени.

Да и чем тут заняться? Ни телевизора, ни кино, даже асфальта нет, так что на велике не покатаешься, ни придорожных кафешек с молочными коктейлями, ни роллердромов, ни детских площадок.

Мэтью взял Лени за руку и повел к заляпанному грязью мотоциклу-вездеходу:

– Садись.

Мэтью перекинул ногу через черное кожаное сиденье. Лени испугалась, но виду не подала – не хотела, чтобы Мэтью счел ее трусихой. Она уселась позади него и неуклюже обхватила его за пояс.

Мэтью повернул ручку газа, и они сорвались с места, вздымая клубы пыли. Двигатель пронзительно завывал, из-под широких колес разлетались камни. Мэтью проехал через городок, с грохотом миновал мост и выкатил на проселок. Сразу за аэродромом свернул в лес, с ревом перебрался через канаву и выехал на тропу, которую Лени заметила, только оказавшись на ней.

Они поднимались по склону холма среди густых зарослей и наконец очутились на плато. Лени разглядела внизу изгиб врезавшегося в сушу синего моря. Волны накатывали на берег. Мэтью сбросил скорость и ловко рулил по ухабам. Тропа кончилась. Лени так трясло, что она со всей силы вцепилась в Мэтью.

Наконец он остановил вездеход и заглушил двигатель.

В тот же миг их окутала тишина, которую нарушал лишь плеск волн о черные гранитные скалы. Мэтью порылся в сумке и выудил бинокль.

– Пошли.

Он шел впереди, уверенно ступая по неровной каменистой земле. Лени дважды оступилась и чуть не упала, но Мэтью двигался ловко, как горный козлик.

Он вывел ее на поляну, которая возвышалась над морем, точно сложенная горстью ладонь. Под деревьями стояли два самодельных деревянных стула. Мэтью плюхнулся на стул и знаком предложил Лени сесть.

Лени бросила рюкзак на траву и села. Мэтью разглядывал деревья в бинокль.

– Вот они. – Он протянул Лени бинокль и указал на деревья: – Люси и Рики. Их так мама назвала.

Лени поднесла бинокль к глазам и медленно оглядела окрестности. Сперва она видела только деревья, деревья, еще деревья, как вдруг в листве мелькнуло что-то белое.

Лени перевела бинокль чуть левее.

Высоко на дереве в гнезде размером с ванну сидела пара белоголовых орланов. Самка кормила трех орлят. Они толкали друг друга, раскачивались из стороны в сторону, тянули клювы к пище, которую отрыгнула мать. За шумом прибоя Лени расслышала, как орлята пищат и клекочут.

– Ух ты!.. – протянула она. Лени так и подмывало вытащить из рюкзака громоздкий «поляроид», который она всегда таскала с собой, но орлята сидели слишком далеко, так что снимок не получился бы.

– Сколько себя помню, они прилетают откладывать яйца. Мама впервые привела меня сюда еще ребенком. Видела бы ты, как они вили гнездо. Закачаешься. Кстати, эти птицы образуют пару на всю жизнь. Даже не знаю, что будет делать Рики, если с Люси что-то случится. Мама говорит, их гнездо весит почти тонну. Я всю жизнь наблюдаю, как орлята вылетают из гнезда.

– Ух ты, – повторила Лени и улыбнулась, когда один из орлят захлопал крыльями и попытался забраться на братьев.

– Мы давно сюда не приходили.

Мэтью так это произнес, что Лени опустила бинокль и посмотрела на друга:

– Вы с мамой?

Мэтью кивнул.

– С тех пор как они с папой расстались, все не то. Может, потому, что моя сестра Алиеска уехала в Фэрбанкс, учиться в колледже. Я по ней скучаю.

– Вы, наверно, очень друг друга любите.

– Ага. Она классная. Тебе бы понравилась. Вбила себе в голову, что хочет жить в городе, но надолго ее не хватит. Вернется, никуда не денется. Папа твердит, что мы оба должны закончить колледж, чтобы решить, кем стать. Достал уже, если честно. Я и без колледжа знаю, кем хочу быть.

– Серьезно?

– А то. Я хочу стать летчиком. Как мой дядя Вент. Люблю летать. Но папа говорит, что этого мало. Надо учить физику и прочую фигню.

Лени его понимала. Они с Мэтью еще дети, никто их не спрашивает, что они думают, и ничего не объясняет. Барахтайся как хочешь, живи в мире, который тебе подарили, пусть

вокруг по большей части творится какая-то чепуха и непонятно ни черта, кроме того, что твой номер последний.

Лени откинулась на занозистую спинку стула. Мэтью рассказал ей о себе, поделился сокровенным. Откровенность за откровенность: ведь они же друзья. Лени сглотнула и пробормотала:

– Везет, папа тебе добра желает. А мой... после войны не в себе.

– В смысле?

Лени пожала плечами. Она не знала, как ответить, чтобы не сболтнуть лишнего.

– Ну, ночами на него находит, кошмары снятся, и в плохую погоду психует. Иногда. Но, с тех пор как мы сюда переехали, кошмары прекратились. Так что вроде стало получше.

– Кто его знает. Зимой же тут все время ночь. У народа от темноты крыша едет, начинают орать, стрелять по домашним животным, по друзьям.

У Лени свело живот. О зиме она как-то не подумала. Ведь если сейчас все время светло, значит, зимой будет все время темно. О зимнем мраке Лени даже думать не хотелось.

– Чего ты боишься? – спросила она у Мэтью.

– Что мама от нас уйдет. Ну то есть она выстроила дом на участке, да и они с папой все еще по-своему любят друг друга, но это уже не то. Однажды она пришла домой и сообщила, что разлюбила папу и теперь любит этого козла Кэла. – Мэтью повернулся к Лени: – Разве можно вот так вот взять и разлюбить? Вот что страшно.

– Ага.

– Жаль, что скоро каникулы, – добавил Мэтью.

– И мне жаль. Еще три дня – и все. А тогда...

Как только кончатся занятия, Лени придется день-деньской хлопотать по дому, и Мэтью тоже. Едва ли им удастся увидеться.

* * *

В последний учебный день Лени и Мэтью пообещали друг другу, что непременно встретятся до сентября, когда начнутся занятия, и не раз, но оба знали правду. Они еще дети, а значит, не могут распоряжаться ни собой, ни своим расписанием. У Лени сердце щемило от одиночества, когда она попрощалась с Мэтью и пошла к автобусу, ждавшему на обочине.

– Что-то ты совсем загрустила, – заметила сидевшая за рулем мама.

Лени уселась рядом с ней. Что толку жаловаться на то, чего не можешь изменить? Было три часа. До заката еще море времени, несколько часов домашних работ.

Когда приехали домой, мама сказала:

– У меня идея. Сходи возьми шерстяное одеяло и шоколадку. Я буду ждать тебя на берегу.

– Что мы будем делать?

– Ничего.

– Как это? Папа не разрешит.

– Так его же нет, – улыбнулась мама.

Лени не теряла ни секунды. Забежала в дом, пока мама не передумала, взяла на кухне плитку шоколада «Хёршис» и одеяло со спинки дивана. Одеяло накинула на плечи, как пончо, по шаткой лестнице спустилась к серому завитку гальки, испещренной каплями воды, – их собственному пляжу. Слева заманчиво темнели пещеры, которые за много веков выбили волны.

Мама стояла в высокой траве и курила. Лени подумала, что детство для нее всегда будет пахнуть морем, табачным дымом и мамиными духами с ароматом роз.

Лени расстелила на неровной земле одеяло, они с мамой уселись, вытянули ноги, скрестив лодыжки, и привалились друг к другу. Перед ними катились бесконечные синие волны,

омывали берег, шуршали галькой. Чуть поодаль от берега плавала на спине выдра, пытаюсь открыть черными коготками ракушку.

– А где папа?

– Уехал с Чокнутым Эрлом на рыбалку. Ну и заодно хочет попросить у него займы, а то у нас туго с деньгами. У меня еще кое-что осталось из того, что дала мать, но эти деньги я трачу в основном на кассеты для твоего «поляроида» и сигареты. – Мама мягко улыбнулась Лени.

– Зря папа водится с этим Чокнутым Эрлом, – сказала Лени.

Улыбка сбежала с маминого лица.

– Понимаю, о чем ты.

– Впрочем, ему здесь нравится, – добавила Лени, стараясь не вспоминать разговор с Мэтью о долгой холодной зиме и о мраке, от которого дуреют.

– Жаль, что ты не помнишь, каким он был до Вьетнама.

– Ага. – Лени слышала массу историй о том времени и очень их любила. А мама любила рассказывать о том, как они жили раньше, в самом начале. Как старую добрую сказку.

Мама забеременела в шестнадцать.

Шестнадцать.

Лени в сентябре исполнится четырнадцать. Как ни странно, раньше она об этом как-то не думала. Нет, она, конечно, знала, сколько маме лет, но как-то не сопоставляла цифры. *Шестнадцать.*

– Ты была всего на два года старше меня, когда забеременела, – сказала Лени.

Мама вздохнула:

– Я училась в одиннадцатом классе.³⁶ Господи. Чего уж тут удивляться, что родителей едва удар не хватил. – Мама скривила губы в прелестной улыбке. – Им меня было не понять, не те они люди. Им не нравилось, как я одеваюсь, какую музыку слушаю, а я терпеть не могла их правила. В шестнадцать мне казалось, что я сама все знаю. Так им и сказала. Они отправили меня в католическую школу для девочек. Там считалось бунтом, если ты заворачивала пояс юбки, чтобы чуть-чуть приподнять подол, на дюйм обнажив колено. Нас учили, как преклонять колени, молиться и удачно выйти замуж.

Твой отец ворвался в мою жизнь как штормовая волна, буквально сбил меня с ног. Все, что он говорил, перевернуло привычные мои представления о жизни, изменило меня. Я научилась дышать без него. Он сказал, что мне незачем учиться. Я верила каждому его слову. Мы с твоим папой так влюбились друг в друга, что вообще ни о чем не думали, и я забеременела. Когда я сообщила об этом своему отцу, он взорвался, хотел отправить меня в приют для матерей-одиночек. Я знала, что там тебя у меня отберут. В ту минуту я ненавидела его так сильно, как никого и никогда.

Мама вздохнула.

– В общем, мы сбежали. Мне было шестнадцать, почти семнадцать, а твоему папе двадцать пять. Когда появилась ты, у нас не было ни гроша, мы жили в трейлерном парке, но нас это ничуть не волновало. Какая разница, есть ли у тебя деньги, работа, новая одежда, когда у тебя самая прекрасная дочка на свете? Он все время таскал тебя с собой. Сперва на руках, потом на плечах. Ты его обожала. Нам никто не был нужен, мы жили любовью, но жизнь взяла свое.

– Началась война, – догадалась Лени.

Мама кивнула.

– Когда твоего папу призвали, я умоляла его сбежать. Хоть в Канаду. Мы постоянно ссорились из-за этого. Я не хотела быть женой солдата, но его призвали, и он решил, что пойдет служить. Я собрала его вещи, обливаясь слезами, и отпустила. Через год он должен был вер-

³⁶ То есть предпоследнем (по американской системе обучения).

нуться. Я не знала, что делать, куда податься, как жить без него. Деньги кончились, я переехала к родителям, но надолго меня не хватило. Мы все время ругались. Они мне все уши прожужжали, мол, разведись с ним, подумай о дочери. В конце концов я опять от них ушла. Тогда-то я и нашла коммуны и людей, которые не судили меня за то, что я родила ребенка, хотя сама еще ребенок. А потом вертолет твоего отца сбили, а его взяли в плен. За шесть лет я получила от него одно-единственное письмо.

Лени вспомнила и то письмо, и как мама рыдала, когда его прочла.

– Вернулся он такой, что краше в гроб кладут, – продолжала мама. – Но он любил нас. Только нами и дышал. Говорил, что может заснуть, только если обнимает меня, хотя все равно толком не спал.

Тут мамина история всегда обрывалась: сказка кончилась. Дверь ведьминой хижины захлопнулась за потерявшимися детьми. Из Вьетнама вернулся другой человек, не тот, кто когда-то туда улетал.

– Впрочем, здесь ему лучше, – добавила мама. – Как думаешь? Он хоть стал на себя похож.

Лени смотрела на катившиеся к берегу волны. Вода неумолимо прибывала, прилив никакой силой не удержат. Одна ошибка, одна погрешность в расчете – и тебя либо выбросит на берег, либо унесет в открытое море. Нужно защитить себя: подготовиться, свериться с картой, принять правильное решение.

– Здесь зимой по полгода темно. Снег, морозы, вьюга.

– Знаю.

– Ты всегда говорила, что в непогоду ему становится еще хуже.

Лени почувствовала, как мама отстранилась. Об этом она старалась не думать. И обе знали почему.

– Здесь все будет иначе. – Мама затушила окурок о камень и повторила на всякий случай: – Здесь все будет иначе. Ему здесь лучше. Вот увидишь.

* * *

Тянулись длинные летние дни, и тревога Лени утихла. Лето стояло волшебное. Край полуночного солнца. Потoki света, день длиной восемнадцать часов, затем ночь – короткая, как вдох, – и снова день.

Солнце и работа – вот вам лето на Аляске.

Работать приходилось много, чтобы все успеть. Все постоянно об этом говорили. В очереди в закусочную или на кассе в универмаге, на пароме до городка. «Ну как рыбалка? Удачно поохотились? Как огород?» Все вопросы только о припасах да подготовке к зиме.

С зимой шутки плохи, это Лени уже усвоила. О грядущих холодах здесь не забывали ни на минуту. Ты не просто так рыбачишь погожим деньком, а ловишь рыбу на зиму. Вроде как и развлечение, но при этом серьезное дело. Подумать только, от каких мелочей зависит выживание.

Лени с родителями вставали в пять утра, с трудом заставляли себя позавтракать и принимались за дело. Перестраивали загон для коз, кололи дрова, пололи грядки, варили мыло, ловили и коптили лосося, дубили шкуры, консервировали рыбу и овощи, вязали носки, подклеивали изолентой то, что оторвалось. Они ни минуты не сидели на месте – что-то куда-то тащили, забивали гвозди, строили, скоблили. Марджи-шире-баржи продала им трех коз, и Лени научилась за ними ухаживать. Научилась она и собирать ягоды, варить варенье, доставать из раковин съедобных моллюсков и готовить из икры лосося лучшую в мире наживку. По вечерам мама готовила им новые блюда – лосося или палтуса (в любом виде) с овощами из огорода. Папа чистил ружья, чинил железные капканы, которые продал ему Чокнутый Эрл,

читал, как правильно разделывать туши животных. Здесь жили натуральным обменом, торговлей и взаимопомощью. В любую минуту к дому мог подъехать кто-то из соседей и предложить лишнее мясо, какие-нибудь доски или ведро черники в обмен на что-то еще.

От гостей в этой глуши не было отбоя. Приносили связки лосося, ящики пива и созывали по радиостанциям остальных. И вот уже к берегу причаливала лодка с рыбаками, а в бухточке садился гидросамолет. Глазом моргнуть не успеешь, а вокруг костра на берегу собрались люди, смеются, болтают, пьют и засиживаются далеко за полночь.

В то лето Лени стала взрослой, – по крайней мере, так ей казалось. В сентябре ей минуло четырнадцать, начались месячные, она стала носить лифчик. Лоб, нос, щеки обсыпали прыщички, похожие на крохотные розовые вулканчики. Лени сперва даже испугалась: как она теперь покажется Мэтью, вдруг он увидит, каким нескладным подростком она стала, и передумает с ней дружить, но он, похоже, даже не заметил предательских высыпаний на ее коже. Встречи с Мэтью были для Лени отдушиной. Каждый раз, как им удавалось свидеться, они убегали от всех, прятались где-нибудь и разговаривали. Мэтью читал Лени наизусть стихи Роберта Сервиса, показывал всякие диковинки – то тайничок с голубыми утиными яйцами, то огромный медвежий след на песке. Она фотографировала все, что он ей показывал, его самого, при любом освещении, и прикалывала снимки к стене своей чердачной комнатухи, так что получился огромный коллаж.

Лето кончилось так же быстро, как началось. Осень на Аляске была не временем года, а, скорее, мгновением, переходным периодом. Зарядили дожди, дороги развезло, полуостров затопило. Ливни окружили его серой стеной. Реки выходили из осыпавшихся берегов, отрывали большие куски земли, меняли русло.

Тополя вокруг домика как-то сразу, в одночасье, зазолотились и перешептывались друг с другом, затем листья сворачивались черными дудочками, облетали и собирались в хрупкие кружевные кучи.

Начался школьный год, а с ним вернулось и детство. Лени увидела Мэтью в классе, уселась рядом с ним и придвинулась поближе.

Его улыбка напомнила Лени, что жизнь не ограничивается делами. Благодаря Мэтью она узнала, что дружба всегда продолжается, словно вы и не расставались.

* * *

Холодным субботним вечером в конце сентября, после долгого хлопотливого дня, Лени стояла у окна и смотрела на темный двор. Они с мамой выбились из сил, трудились от рассвета до заката, консервировали последнего в этом сезоне лосося – готовили банки, чистили рыбу, резали толстыми ломтями розово-серебристое мясо, отрывая склизкую кожу, складывали ломтики в банки и опускали в скороварку. Потом одну за другой относили банки в погреб и ставили на новенькие полки.

– Если в комнате будет десять умных и один дурак, угадай, кого выберет твой отец.

– А? – откликнулась Лени.

– Не обращай внимания.

Мама встала рядом с Лени. Снаружи стемнело. Полная луна заливала все иссиня-бледным светом. В небе булавками торчали звезды в овальных ореолах. Здесь по ночам небо казалось бескрайним и не чернело, но становилось бархатным, темно-синим. Мир земной сжимался до точки, пятнышка света от костра, белесой лунной ряби на тусклой воде.

Во дворе, возле бочки из-под мазута, в которой горел огонь, стояли папа и Чокнутый Эрл и пили виски, передавая друг другу бутылку. От горевшего в бочке мусора валил черный дым. Остальные гости давным-давно разъехались.

Вдруг Чокнутый Эрл вытащил пистолет и выстрелил в деревья.

Папа расхохотался.

– Долго они еще будут там стоять? – спросила Лени. Когда она выходила в туалет, до нее донеслись обрывки их разговоров: «Губят страну... мы должны себя защитить... начнется анархия... атомная война».

– Откуда я знаю?

Мама раздраженно вздохнула. Она пожарила лосятину, которую принес Чокнутый Эрл, запекла картошку, накрыла складной столик: поставила железные миски, положила столовые приборы. Чтобы столик не шатался, под сломанную ножку подсунули книжку в бумажной обложке.

Было это несколько часов назад. Теперь же мясо, наверно, задубело, как старый башмак.

– Ну все, хватит, – не выдержала мама и пошла на двор. Лени шмыгнула к порогу и открыла дверь, чтобы слышать, о чем будут говорить. Козы заблеяли, услышав шаги.

– О, Кора пришла. – Чокнутый Эрл слюняво улыбнулся. Он едва стоял на ногах. Качнулся и чуть не упал.

– Поужинаете с нами? – предложила мама.

– Не, спасибо. – Чокнутый Эрл, пошатываясь, шагнул в сторону. – Если я не вернусь домой к ужину, дочка мне задаст перцу. Она сегодня варит чаудер³⁷ с лососем.

– Ну, значит, в другой раз. – Мама повернулась к отцу. – Пошли, Эрнт, а то Лени уже с голоду умирает.

Чокнутый Эрл поковылял к своему джипу, уселся за руль и покатил, то останавливаясь, то снова трогаясь с места и сигнала.

Папа направился в дом, ступая чересчур осторожно, как всегда, когда он пьяный. Лени и раньше видела его таким. Он захлопнул дверь, пошатываясь, побрел к столу и осел на стул.

Мама принесла блюдо с мясом и румяной печеной картошкой и теплую буханку: Тельма научила их печь хлеб на закваске, которая у здешних жителей не переводилась.

– Ух ты, – сказал папа, набил рот лосятиной, шумно зачавкал, поднял глаза и осоловело оглядел домашних. – Вам еще многому предстоит научиться. Мы как раз с Эрлом об этом говорили. Когда ВНМТ, вы же первые и пострадаете.

– Какое еще ВНМТ? Что ты несешь? – спросила мама.

Лени бросила на нее предостерегающий взгляд. Мама ведь прекрасно знала, что с ним пьяным лучше не связываться.

– Когда все накроется медным тазом. Ну ты поняла. Военное положение. Атомная бомба. Пандемия. – Он отломил кусок хлеба и обмакнул в мясной сок.

Мама откинулась на спинку стула, закурила сигарету и уставилась на него.

«Мам, не надо, – подумала Лени. – Ну помолчи ты».

– Знаешь что, Эрнт... не очень-то мне нравятся все эти разговоры о конце света. А о Лени ты подумал? Она же...

Папа с такой силой бухнул по столу кулаком, что все задрожало.

– Черт тебя подери, Кора, неужели так трудно хоть раз меня поддержать?

Он встал и направился к висевшим у двери курткам. Его шатало. Лени послышалось, будто он пробормотал «дура чертова» и еще что-то. Он качал головой, сжимал и разжимал кулаки. В его движениях Лени почудилась с трудом сдерживаемая ярость, чувство, охватившее его стремительно и мощно, неукротимо.

Мама бросилась за ним, протянула к нему руки.

– Не трогай меня, – рявкнул папа и оттолкнул ее.

Схватил куртку, сунул ноги в сапоги и хлопнул дверью.

³⁷ Чаудер – густой суп, обычно из рыбы или моллюсков, с молоком или сливками.

Лени поймала мамин взгляд. В ее больших голубых глазах, выразивших малейшие оттенки чувств, Лени, точно в зеркале, увидела собственную тревогу.

– Неужели он правда верит во все эти байки про конец света?

– Видимо, да, – ответила мама. – Или же хочет верить. Как знать? Да и неважно это. Так, одни разговоры.

Лени и сама знала, что на самом деле важно.

Погода портилась.

А с ней и папино состояние.

* * *

– Как оно вообще? – спросила Лени у Мэтью на следующий день в конце занятий. Дети в классе собирались домой.

– Что именно?

– Здесь зимой.

Мэтью задумался.

– Прекрасно и ужасно. Сразу понятно, выдержишь ли ты на Аляске. Большинство еще до весны сбегает на материк.

– Бескрайняя глушь, – процитировала Лени. Так окрестил Аляску Роберт Сервис.

– Ты выдержишь, – ответил Мэтью.

Лени кивнула, жалея, что не может ему сказать: последнее время она все больше опасается не столько того, что подстерегает ее за пределами дома, сколько того, что в доме.

Она о многом могла рассказать Мэтью, но только не об этом. Могла признаться, что отец слишком много пьет, орет или срывается на них, но только не в том, что порой она его боится. Такое предательство невозможно было даже представить.

Плечом к плечу они вышли из школы.

Снаружи Лени уже поджидал «фольксваген». Выглядел он неважно – помятый, поцарапанный, бампер держится на честном слове. Глушитель отвалился на очередном ухабе, и теперь старая развалина редела, как гоночный автомобиль. В машине сидели родители – приехали за ней вдвоем.

– Пока, – бросила она Мэтью и направилась к автобусу. Швырнула рюкзак внутрь и уселась. – Привет, – сказала родителям.

Папа с трудом переключил передачу, сдал назад и развернулся.

– Чокнутый Эрл попросил меня кое-чему научить его домашних, – пояснил папа, сворачивая на главную дорогу. – Мы вчера как раз об этом говорили.

И вот они уже поднялись на холм и очутились на подворье Харланов. Папа первым выпрыгнул из автобуса, схватил лежавшее на заднем сиденье ружье и повесил на плечо.

Чокнутый Эрл сидел на крыльце; увидев папу, встал и помахал ему, крикнул что-то своим (слов Лени не расслышала), и те мгновенно положили лопаты, топоры, пилы и собрались на поляне в центре участка.

Мама открыла дверь и вылезла из автобуса. Лени выпрыгнула за ней, и ботинки ее увязли в грязи.

Рядом с «фольксвагеном» остановился помятый «форд» Акселя. Из машины вышли Аксель и две девочки, Агнес и Марти, устремились к толпе, собравшейся перед крыльцом Чокнутого Эрла.

Чокнутый Эрл стоял на покосившемся крыльце, широко расставив кривые ноги, и казалось, что ему самому так не слишком-то удобно стоять. Вдоль морщинистых щек висели седые волосы – корни жирные, концы вьются. На Эрле были грязные джинсы, заправленные в коричневые резиновые сапоги, и выдавшая виды рабочая фланелевая рубашка.

– Ну-ка, давайте поближе, – махнул он собравшимся. – Эрнт, Эрнт, иди сюда, сынок.

Собравшиеся перед крыльцом загомонили и обернулись. Папа прошел мимо Тельмы и Теда, улыбнулся Клайду, хлопнул его по спине, поднялся на крыльцо и встал возле Эрла. Рядом с низкорослым старикашкой папа казался высоким и сильным. Черные волосы, густые черные усы – словом, писанный красавец.

– Мы с Эрнтом вчера вечером беседовали с глазу на глаз о том, что на большой земле творится черт-те что. Президент наш конченный аферист, да вот еще недавно самолет взорвался прямо в небе.³⁸ Мы теперь все в опасности.

Лени обернулась, посмотрела на маму, та пожала плечами.

– Мой сын Бо был лучшим из нас. Он любил Аляску, он так любил старые добрые Штаты, что отправился добровольцем на эту проклятую войну. И мы его потеряли. Но даже в той адской дыре он заботился о нас. Своей семье. Он хотел, чтобы мы были целы-невредимы и в безопасности. И поэтому он послал нам своего друга Эрнта Олбрайта, чтобы он стал одним из нас. – Чокнутый Эрл хлопнул папу по спине, как бы подтолкнул вперед. – Я наблюдал за Эрнтом все лето и точно знаю: он желает нам добра.

Папа вытащил из заднего кармана сложенную газету и расправил. Показал заголовок: «88 пассажиров погибли в результате взрыва бомбы на рейсе 841 компании TWA».

– Мы, конечно, живем в тайге, но при этом ездим в Хомер, Стерлинг, Солдотну. Мы знаем, что творится на материке. Теракты ИРА, ООП,³⁹ «Синоптиков». Люди убивают друг друга, похищают ради выкупа. В штате Вашингтон пропадают девушки, теперь вот кто-то убивает девушек в Юте. Симбионистская армия освобождения. Индия проводит испытания атомных бомб. Того и гляди, начнется Третья мировая. Атомная... или биологическая. И вот когда это случится, все действительно накроется медным тазом.

Чокнутый Эрл кивнул и что-то согласно пробормотал.

– Мам, – шепотом спросила Лени, – это правда?

Мама закурила сигарету.

– Не всякий факт – правда, и замолчи уже. Мы же не хотим, чтобы он взбесился.

Папа был в центре внимания и упивался этим.

– Вы тщательно подготовились к трудностям с продовольствием. Как все поселенцы, вы прекрасно умеете о себе позаботиться. У вас отличная система водосбора и большие запасы провизии. Вы застолбили за собой источники пресной воды, вы умелые охотники. Огород у вас хоть и маловат, зато ухоженный. Вы способны выжить в любых условиях. Кроме последствий военного положения.

– Ты о чем? – спросил Тед.

Папа преобразился. Стал как будто выше ростом. Раздался в плечах. Лени таким его сроду не видела.

– Атомная война. Пандемия. Электромагнитный импульс при ядерном взрыве. Землетрясение. Цунами. Торнадо. А может, извержение вулкана Денали или Рейнир. В Сибири в 1908 году взрыв был в тысячу раз мощнее бомбы, которую сбросили на Хиросиму. Существует миллион вариантов, как именно этому прогнившему, больному миру придет конец.

Тельма нахмурилась:

– Да ладно тебе, Эрнт, не пугай...

– Тише ты, – оборвал ее Чокнутый Эрл.

– Что бы ни случилось, техногенная катастрофа или стихийное бедствие, сразу же начнется беззаконие и беспорядки, – продолжал папа. – Вы только себе представьте: ни электриче-

³⁸ Речь о катастрофе, которая произошла 8 сентября 1974 года: самолет Boeing 707 авиакомпании Trans World Airlines (TWA), выполнявший рейс Тель-Авив – Афины – Рим – Нью-Йорк, взорвался над Ионическим морем, потому что террористы заложили бомбу в хвостовую часть судна.

³⁹ ООП – Организация освобождения Палестины.

ства. Ни связи. Ни продовольственных магазинов. Все продукты заразные. Ни воды. Ни цивилизации. Военное положение.

Папа сделал паузу и обвел взглядом собравшихся, каждому посмотрев в глаза.

– Типов вроде Тома Уокера, с его большим домом, дорогими лодками и экскаватором, это застигнет врасплох. Какой толк от всей этой земли и богатства, когда кончатся пища и медикаменты? Никакого. То-то и оно. А знаете, что будет, когда типы вроде Тома Уокера поймут, что ничегошеньки у них нет?

– Что? – Чокнутый Эрл взирал на папу так, словно узрел Бога.

– Он придет сюда, постучится к нам и будет умолять о помощи нас, тех самых людей, перед которыми так задается. – Папа выдержал паузу. – Поэтому мы должны уметь себя защитить и дать отпор мародерам, которым наверняка понадобится то, что у нас есть. Первым делом надо приготовить тревожные чемоданчики – то есть собрать вещи, необходимые для выживания. Чтобы можно было исчезнуть в любую минуту, прихватив с собой все, что нужно.

– Точно! – крикнул кто-то.

– Но этого мало. Все самое основное у нас есть. А вот безопасность хромает. Я уверен, Бо оставил мне эту землю, чтобы я приехал сюда, к вам, и сказал вам: одних запасов для выживания недостаточно. Вы должны драться за свое добро. Убить любого, кто на него покусится. Я знаю, вы все здесь умелые охотники, но когда ВНМТ, нам понадобятся не только ружья. Оружие ударного действия ломает кости. Ножом можно перерезать артерию. Стрелы пробивают тело. Я вам обещаю, что еще до первого снегопада каждый из нас будет готов к самому худшему, все вы, от мала до велика, сумеете защитить себя и свою семью от грядущей опасности.

Чокнутый Эрл кивнул.

– Ну что, тогда стройтесь. Я хочу проверить, как вы умеете стрелять. С этого и начнем.

Восемь

К первому ноябрю дни стремительно укорачивались. Лени остро ощущала утрату каждой секунды света. В девять неохотно занимался рассвет, а часов в пять – темная ночь. Меньше восьми часов дневного света. И шестнадцать часов тьмы. Ночь накрывала землю мгновенно, точно тень хищного крылатого чудовища. Лени никогда такого не видела.

Погода стала непредсказуемой. То дождь, то снег, то снова дождь. Вот и сейчас небо плевало в них ледяной смесью дождя со снегом. Вода собиралась в лужи, бежала ручейками, превращалась в корку льда, из которого торчали сорняки. Пока переделаешь все домашние дела, успеешь основательно помесить грязь. Накормив коз и кур, Лени с пустыми ведрами тащилась в лес за домом. Тополя облетели, осень превратила их в скелеты. Все живое попряталось, стараясь укрыться от ледяного дождя.

Лени карабкалась по склону холма к ручью, холодный ветер трепал волосы, со свистом рвал куртку. Лени ссутулилась и втянула голову в плечи.

Чтобы наполнить железную бочку, которую они держали у дома, нужно пять раз сходить туда-сюда. Помогал дождь, но надеяться на него нельзя. С водой, как и с дровами, нельзя полагаться на авось.

Потeya от натуги, Лени зачерпнула ведро воды – часть расплескала на ботинки, – и тут опустилась ночь. «Опустилась» в буквальном смысле, стремительно и резко, как крышка на чугунок.

Лени повернула к дому, и перед ней простерлась непроглядная тьма. Не видно ни зги, на небе ни звездочки, ни луны, чтобы осветить тропинку.

Лени выудила из кармана куртки налобный фонарик, который дал ей папа, подтянула ремешок, надела, включила. Вытащила пистолет из кобуры, засунула за пояс.

Сердце колотилось. Лени наклонилась и подняла тяжелые ведра. Железные дужки врезались в руки, перчатки мало помогали.

Ледяной дождь превратился в снег, колот щеки и лоб.

Зима.

Вроде бы медведи еще не впали в спячку? Сейчас они опаснее всего, отъедаются перед зимовкой.

Из темноты на Лени смотрели два желтых глаза.

Да нет, показалось.

Тропинка под ногами изменилась, пошла под уклон. Лени споткнулась. Вода плеснула через края ведер, намочила перчатки.

Безпаникибезпаникибезпаники.

Фонарик выхватил из темноты валежину. Тяжело дыша, Лени перешагнула через бревно, услышала, как чиркнула по джинсам кора, но не остановилась, а пошла дальше, в гору, потом с горы и через густые черные заросли. Наконец впереди забрезжил огонек.

Свет. Дом.

Ее так и подмывало побежать. Ей *отчаянно* хотелось оказаться дома, и чтобы мама ее обняла, но Лени понимала: это глупо. Хватит и первой ошибки: нельзя было терять счет времени.

Ближе к дому тьма немного рассеялась. На черном фоне проступили темно-серые очертания, блеснула железная дымовая труба на крыше, засветилось боковое окно с силуэтами людей. Запахло дымом и уютом.

Лени поспешила к бочке возле стены, приподняла самодельную крышку и вылила то, что оставалось в ведрах. Тут же раздался плеск – значит, бочка заполнилась примерно на три четверти.

Лени так трясло, что дверь она открыла лишь со второй попытки.

– Я вернулась, – сказала она, входя. Ее била дрожь.

– Заткнись, – оборвал ее отец.

Мама стояла напротив папы. В поношенных спортивных штанах и огромном свитере она казалась неуверенной, слабой.

– Привет, доченька, – сказала мама. – Повесь куртку и сними ботинки.

– Кора, я с тобой разговариваю, – не унимался папа.

В его голосе Лени услышала злость и заметила, как вздрогнула мама.

– Отнеси рис обратно. И скажи Мардж, что у нас нет на него денег, – велел папа.

– Но... ты же пока не добыл лося, – возразила мама. – Нам нужно...

– Значит, это я виноват? – крикнул папа.

– Я не это имела в виду. Но надвигается зима, припасов у нас маловато, да и денег...

– Думаешь, я сам не знаю, что нам нужны деньги? – Папа толкнул стоявший перед ним стул, и тот с грохотом опрокинулся.

Взгляд у папы стал бешеный, сверкнули белки, так что Лени испугалась и попятилась.

Мама подошла к нему, погладила по щеке, пытаясь успокоить:

– Эрнт, родной, мы справимся.

Он отпрянул и бросился к двери. Сорвал куртку с крючка у окна, распахнул дверь, впус- тив слепящий, обволакивающий холод, вылетел из дома и захлопнул за собой дверь. Тут же взревел мотор «фольксвагена», окно пронзил луч фар, облил маму бледно-золотистым светом.

– Это все непогода. – Мама закурила сигарету, глядя, как отъезжает папа. Ее нежная кожа в свете фар вдруг пожелтела, стала восковой.

– Дальше будет хуже, – заметила Лени. – С каждым днем все темнее и холоднее.

– Да. – Испуг на мамином лице передался Лени. – Я знаю.

* * *

Зима тискалами сжала Аляску. Бескрайние просторы сократились до пределов их домика. Солнце вставало в четверть одиннадцатого и садилось уже через пятнадцать минут после того, как в школе заканчивались занятия. Меньше шести часов светового дня. Снег валил и валил, укутывая округу. Заносил подоконники, выплелал кружева на оконных стеклах, так что улицы не видно, и оставалось лишь смотреть друг на друга. В короткие светлые часы небо над голо- вой было серым, так что порой и день был не день, а лишь слабое его подобие. Ветер проби- рал насквозь, выл, как от боли. Обледеневшие стебли иван-чая торчали из сугробов причуд- ливыми изваяниями. Мороз стоял такой, что стыло все: замерзли двери машин, трескались окна, глохли моторы. По радио то и дело передавали предупреждения о метелях и перечис- ляли, кто еще умер, – зимой на Аляске это было так же привычно, как слипшиеся от холода ресницы. Погибнуть можно было из-за любой оплошности: уронил ключи от машины в реку, в баке кончился бензин, сломался снегоуборщик, не вписался в поворот. Без предупреждения Лени не могла никуда пойти и ничего сделать. Зима уже казалась бесконечной. Припайный лед сковал побережье, покрыл глазурью ракушки и гальку, так что берег стал похож на расшитый серебристыми блестками воротник. За стенами домика ревел ветер, и каждый его порыв пре- ображал белый пейзаж. Перед ветром склонялись деревья, звери ладили логовища, рыли норы и прятались в укрытия. Точь-в-точь как люди, которые в такие морозы отсиживались дома и старались без нужды не рисковать.

Никогда еще жизнь Лени не была такой скудной. В хорошие дни, когда позволяла погода и автобус заводился, они ездили в школу. В плохие не оставалось ничего, кроме работы на лютот, сводившем с ума морозе. Лени сосредоточивалась на том, что нужно сделать: выпол- нить домашние задания, покормить скотину, натаскать воды, разбить лед, заштопать носки,

привести в порядок одежду, приготовить вместе с мамой ужин, убрать в домике, истопить печь. С каждым днем приходилось колоть, носить и складывать в поленницу все больше и больше дров. В укоротившиеся дни некогда было думать ни о чем, кроме насущных потребностей. Они выращивали овощную рассаду в картонных стаканчиках на столике под крышей чердака. Даже тренировки навыков самообороны и выживания, проходившие по выходным на подворье Чокнутого Эрла, на время отменили.

Хуже самой непогоды была вызванная ею необходимость сидеть в четырех стенах.

Зима их стеснила, отрезала от людей, Олбрайты остались наедине друг с другом. Вместе они проводили все вечера, долгие темные часы ютились вокруг печурки.

Нервы у всех были на пределе. Между родителями то и дело вспыхивали ссоры из-за денег, из-за домашних дел, из-за погоды. По самым ерундовым поводам.

Лени знала, как папа переживает из-за нехватки припасов и отсутствия денег. Она видела, что это его мучает. Видела Лени и то, как пристально мама за ним наблюдает, как беспокоится из-за его растущей тревоги.

Было заметно, что отец изо всех сил старается сдерживаться, но порой казалось, что ему даже смотреть на домашних не хочется. Просыпался он ни свет ни заря и весь день проводил на улице в трудах, возвращался уже затемно, весь в снегу, с заиндеветыми бровями и ресницами и побелевшим кончиком носа.

Попытки держать себя в руках стоили отцу больших усилий. Дни становились все короче, ночи длиннее, и после ужина он мерил шагами комнатку, что-то беспокойно бормотал себе под нос. В такие тяжелые вечера он старался побыстрее куда-нибудь уйти: брал капканы, управляться с которыми научил его Чокнутый Эрл, в одиночку отправлялся в чащу их расставлять и возвращался осунувшийся, измученный. Молчаливый. Замкнутый. Чаще всего с добычей – лисьими или куньими шкурками, которые можно продать в городке. Вырученных денег им хватало, чтобы удержаться на плаву, но даже Лени замечала, как пустеют полки в погребке. Из-за стола они всегда вставали, толком не наевшись. Те деньги, которые маме дала бабушка, давным-давно закончились, а другие взять было неоткуда, так что Лени перестала фотографировать, а мама почти не курила. Порой Марджи-шире-баржи украдкой, пока папа не видел, совала им сигареты и какие-то мелочи, но в городке они теперь бывали редко.

Папа хотел добра, но жить с ним было все равно что с диким зверем. Местные рассказывали о чокнутых хиппи, которые селились с волками и медведями, и те в конце концов их задирали. Хищник есть хищник, даже если кажется домашним, ластится к тебе, лижет лицо, трется о ноги, чтобы ему почесали спину. Ты понимаешь (по крайней мере, должен понимать), что ошейник с поводком и миска корма могут укротить лишь повадки зверя, но натуру его не изменят. Вздохнуть не успеешь, как волчья природа возьмет свое и он бросится на тебя, оскалив клыки.

Мучительно трудно все время чего-то бояться, следить за папиным тоном, за каждым его жестом.

Мама выбивалась из сил. От вечной тревоги глаза ее потухли, кожа потускнела. А может, землистая ее бледность объяснялась тем, что все они, как грибы, почти не видели света.

В одно особенно холодное декабрьское утро Лени проснулась от криков. Что-то с грохотом рухнуло на пол.

Она мгновенно догадалась, что происходит. Папе приснился кошмар. Третий за неделю.

Лени выползла из спального мешка, подошла к краю чердака и посмотрела вниз. Мама стояла у завешенного бусами входа в спальню и держала над головой фонарь. В его белом свете мерцало перепуганное лицо, волосы дыбом. Одета мама была в фуфайку и спортивные штаны. В темноте виднелось оранжевое пятнышко: в печке горел огонь.

Папа метался, как дикий зверь, толкал мебель, срывал одежду с крюков, рычал, что-то кричал, но слов было не разобрать... потом перерыл все коробки в поисках неизвестно чего.

Мама боязливо подошла и погладила его по спине. Он оттолкнул ее с такой силой, что мама врезалась в стену и вскрикнула от боли.

Папа замер и резко выпрямился. Ноздри его раздувались. Он сжимал и разжимал кулаки. Заметив маму, переменился в лице, ссутулился, пристыженно понурил голову.

– Господи, Кора, – прошептал он прерывисто, – прости. Я... сбился, где я.

– Я знаю. – В маминых глазах блеснули слезы.

Папа подошел к ней, обнял, притянул к себе. Они опустились на колени, прижались лбами. Лени слышала, как они шепчутся, но не понимала о чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.